

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 3
март 2020

«Особую важность выявлению юридических характеристик соглашений в сфере перевозки придает разъяснение Верховного Суда РФ о том, что отсутствие или пороки транспортной накладной сами по себе не означают признания договора перевозки груза незаключенным или недействительным...»

Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. «Принцип добросовестности в судебной практике разрешения споров, связанных с перевозкой грузов, пассажиров и багажа»

Стр. 8

- Субсидиарная ответственность как основание для неприменения в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств
- Насильственный захват власти или насильственное удержание власти: объективная сторона и вопросы квалификации
- Решение о конституционности нормативных положений в истолковании судебного органа конституционного контроля: проблемы исполнения
- Определение размера морального вреда за «родительский ущерб»: к постановке проблемы

ISSN 1812-3791

9 771812 379776

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 3/2020

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Морхат П.М. Субсидиарная ответственность как основание для неприменения в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств
8 Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. Принцип добросовестности в судебной практике разрешения споров, связанных с перевозкой грузов, пассажиров и багажа
16 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

21 Дегтерев А.А. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти: объективная сторона и вопросы квалификации

ИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) СУДА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

27 Хуснутдинов Ф.Г. Решение о конституционности нормативных положений в истолковании судебного органа конституционного контроля: проблемы исполнения

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

31 Адеева Е.В. Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

35 Напалкова И.Г., Федоренко Н.В. Судебная реформа и формирование правовой государственности в Российской Федерации

40 Иванова Т.В. Судебная реформа 1864 года о гласности в гражданском судопроизводстве

ДИСКУССИЯ

45 Лопатина Т.М. Оценка перспектив совершенствования нормы об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ)

50 Фаст И.А. Определение размера морального вреда за «родительский ущерб»: к постановке проблемы

56 Арсентьева С.С., Савченко А.Н. Заключение эксперта или специалиста по результатам тестирования с использованием полиграфа не является доказательством в уголовном судопроизводстве

ТРИБУНА ПОМОЩНИКА СУДЬИ

60 Донцов П.В., Стрыгина М.А. Особенности привлечения финансового управляющего к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499, «Почта России». Электронный каталог — П1774, а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 16.03.2020.

Дата выхода в свет: 25.03.2020.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Иванов А.А., к.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белья В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 3/2020

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT ATTACHED THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 Morkhat P.M. Subsidiary Liability as a Basis for the Non-Application of the Rule for Release of a Citizen from Obligations

8 Mikryukov V.A., Mikryukova G.A. The Principle of Good Faith in the Judicial Practice of the Review of Disputes Related to the Transportation of Cargo, Passengers and Baggage

16 Valeev D.Kh., Nuriev A.G. The Impact of Digital Technologies on the Implementation of Social Functions of the State within the Framework of Securing the Right to Enforcement of a Court Judgment

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

21 Degterev A.A. Violent Upheaval or Forced Retention of Power: The Objective Side and Qualification Issues

FROM THE CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURT OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

27 Khusnutdinov F.G. A Judgment on Constitutionality of Statutory Provisions in the Interpretation of a Judicial Constitutional Control Authority: Enforcement Issues

THE JUDICIARY

31 Avdeeva E.V. Respect for the Person's Honor and Dignity in Criminal Proceedings

HISTORICAL ROOTS

35 Napalkova I.G., Fedorenko N.V. Judicial Reform and Forming of Legal Statehood in the Russian Federation

40 Ivanova T.V. The Judicial Publicity Reform of 1864 in Civil Proceedings

DISCUSSION

45 Lopatina T.M. An Evaluation of Prospects for Improvement of the Provision on Liability for Illegal Organization and Carrying out Gambling (Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

50 Fast I.A. Determination of the Amount of Moral Harm from "Parental Damage": Problem Setting

56 Arsent'yeva S.S., Savchenko A.N. Conclusion of an expert or specialist based on the results of testing using a polygraph is not evidence in criminal proceedings

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

60 Dontsov P.V., Strygina M.A. Peculiarities of Bringing a Financial Manager to Administrative Liability under Part 3 Article 14.13 of the Administrative Offense Code of the Russian Federation

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press — index 85499,

Russian Post. Digital Catalogue — П1774

and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 16.03.2020.

Edition was published: 25.03.2020.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored Worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Ivanov A.A., PhD (Law), Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court

of the RF, LL.D., Professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired);

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration Court
of the Central District, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Pletonova O.F., Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — law science).

Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Editorial
Staff shall be subject to legal prosecution.

Субсидиарная ответственность как основание для неприменения в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств

Морхат Петр Мечиславович,
судья Арбитражного суда Московской области,
доктор юридических наук
constitution88@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с неприменением в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств при наличии судебного акта, которым должник (физическое лицо) привлечено к субсидиарной ответственности. Автор анализирует судебную практику. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что к должникам, которые привлечены к субсидиарной ответственности, не могут и не должны применяться правила об освобождении от исполнения обязательств. Привлечение к субсидиарной ответственности выступает юридическим фактом, подтверждающим недобросовестность должника, к которому не могут применяться правила освобождения от исполнения обязательств.

Ключевые слова: банкротство граждан, освобождение от обязательств, добросовестность, субсидиарная ответственность, неисполнимые обязательства.

Subsidiary Liability as a Basis for the Non-Application of the Rule for Release of a Citizen from Obligations

Morkhat Petr M.
Judge of the Commercial Court of the Moscow Region
LL.D.

The paper addresses challenges related to the issue of non-application of the release from obligations clause in respect of a citizen when there is a court ruling by which the debtor (individual) is brought to subsidiary liability. The author analyzes the relevant court cases. Based on the conducted study, it was concluded that the release from obligations clause shall not apply to debtors who are brought to subsidiary liability. Bringing to subsidiary liability constitutes a legal fact confirming the bad faith of the debtor, to whom the release from obligations clause shall not apply.

Keywords: personal bankruptcy, release from obligations, good faith, subsidiary liability, unenforceable obligations.

Одной из основных целей имплементации института банкротства граждан в российское законодательство стало предоставление должникам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации, возможности освободиться от долговых обязательств¹. По общему правилу после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов². Как указывал Верховный Суд

Российской Федерации, основной задачей института потребительского банкротства является социальная реабилитация гражданина — предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника³. Вследствие этого, к гражданину-должнику законодатель предъявляет повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие, помимо прочего,

¹ Подробнее см.: Морхат П. М. Банкротство физических лиц: поиск баланса интересов должника и кредиторов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 3. С. 54–65.

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». П. 3 ст. 213.28 // СПС «Консультант-Плюс» (далее — Закон о банкротстве).

³ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2019 г. по делу № А41-20557/16, от 25 января 2018 г. по делу № А48-7405/15 // СПС «КонсультантПлюс».

честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом⁴.

Согласно п. 3 ст. 213.1 Закона о банкротстве процедура реализации имущества гражданина применяется как в отношении гражданина-потребителя, так и в отношении индивидуального предпринимателя. Несмотря на это, ее применение к указанным лицам преследует разные правовые цели. Так, целью процедуры реализации имущества индивидуального предпринимателя является его устранение из сферы потребления предпринимательского кредита. Это следует из содержания нормы п. 2 ст. 216 Закона о банкротстве, согласно которой индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, не может быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя в течение пяти лет с момента завершения процедуры реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры.

В отличие от этого, целью процедуры реализации имущества гражданина-потребителя является его освобождение от долга. Это следует из содержания нормы п. 1 ст. 213.30 Закона о банкротстве, которая не запрещает гражданину-потребителю после признания его банкротом участвовать в кредитных отношениях, а, напротив, позволяет это делать, но с условием указания на факт своего банкротства⁵.

Освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором основано требование в деле о банкротстве гражданина, последний действовал незаконно (п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве). Соответствующие обстоятельства могут быть установлены в рамках любого судебного процесса (обосновленного спора) по делу о банкротстве должника, а также в иных делах⁶.

⁴ Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Проспект, 2017. 320 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Пункт 45 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», при наличии обоснованного заявления участвующего в деле лица о недобросовестном поведении должника либо при очевидном для суда отклонении действий должника от добросовестного поведения суд при рассмотрении дела исследует указанные обстоятельства и ставит на обсуждение вопрос о неприменении в отношении должника правил об освобождении от обязательств.

Из приведенных норм права и разъяснений высшей судебной инстанции следует, что должник освобождается от исполнения обязательств перед кредиторами, за исключением случаев, прямо предусмотренных п. 4–5 ст. 213.28 Закона о банкротстве, в том числе в случае противоправного поведения должника, направленного на умышленное уклонение от исполнения своих обязательств перед кредиторами (сокрытие своего имущества, воспрепятствование деятельности финансового управляющего и т.д.).

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 25 апреля 2019 г. № 991-О⁷ сформулировал правовую позицию, согласно которой предусмотренная п. 4 ст. 213.28 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» возможность освобождения от исполнения обязательств перед кредиторами, направленная на недопустимость использования механизма освобождения гражданина от обязательств для извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ), не содержит какой-либо неопределенности в части его действия во времени и сама по себе не может рассматриваться

2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 г. № 991-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стульников Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» // СПС «КонсультантПлюс».

как нарушающая конституционные права.

Правила п. 5 ст. 213.28 Закона о банкротстве также применяются к требованиям о привлечении должника к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица. Показательными примерами в указанном контексте выступают следующие дела.

1. Дело о банкротстве Акопова О.А. Решением Арбитражного суда Московской области от 10 марта 2017 г. в отношении должника Акопова О.А. введена процедура банкротства — реализация имущества гражданина. Финансовый управляющий обратилась в суд с заявлением о завершении процедуры банкротства должника. Суд завершил процедуру реализации имущества должника без применения к нему правила об освобождении от обязательств. Апелляционный суд не согласился с позицией суда первой инстанции в этой части и принял новое решение об освобождении Акопова О.А. от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при проведении процедуры банкротства должника.

В кассационной жалобе финансовый управляющий указал на то, что в рамках иного дела, которое рассматривал Арбитражный суд города Москвы, должник был привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО «Гросс Ресурс» на сумму 97 млн руб. Впоследствии указанное требование ООО «Гросс Ресурс» было включено в реестр требований кредиторов должника.

Суд кассационной инстанции указал, что требования о привлечении гражданина как контролирующего лица к субсидиарной ответственности сохраняют силу после окончания производства по делу о его банкротстве в непогашенной части. В связи с этим вывод суда первой инстанции об отсутствии правовых оснований для освобождения должника от дальнейшего исполнения требований ООО «Гросс Ресурс» является обоснованным⁸.

2. Дело о банкротстве Дубровиной Г.З. В рамках дела о банкротстве ООО «ВеГа-Риэлти» должника привлекли

к субсидиарной ответственности на сумму 61,6 млн руб. Должник выплатил более 50% от указанной суммы.

В дальнейшем в отношении должника была введена процедура банкротства. Суд первой инстанции завершил процедуру реализации имущества в отношении должника без применения правила об освобождении от исполнения обязательств. Суд исходил из того, что должник препятствовал формированию конкурсной массы, чинил препятствия в допуске финансового управляющего к осмотру имущества, включенного в конкурсную массу. Кроме того, требования кредиторов основаны на обязательствах должника по субсидиарной ответственности. Совокупность указанных факторов, по мнению суда, не позволяет освободить должника от исполнения обязательств перед кредиторами.

В апелляционной жалобе должник указал, что не препятствовал проведению процедуры, более 50% требований кредиторов погашено за счет имущества должника, у суда отсутствовали законные основания для удовлетворения требований финансового управляющего о неприменении правил об освобождении от исполнения обязательств.

Однако суд апелляционной инстанции не поддержал доводы должника. Суд напомнил, что в процедуре банкротства граждан, с одной стороны, добросовестным должникам предоставляется возможность освободиться от чрезмерной задолженности без возложения на должника большего бремени, чем он реально может погасить, а, с другой стороны, у кредиторов должна быть возможность удовлетворения их интересов. При этом создаются препятствия для стимулирования недобросовестного поведения граждан, направленного на получение излишних кредитов без цели их погашения в надежде на предоставление возможности полного освобождения от задолженности посредством банкротства.

В основу решения суда по вопросу об освобождении (неосвобождении) гражданина от обязательств по итогам процедуры реализации имущества гражданина должен быть положен критерий добросовестности поведения должника по удовлетворению требований кредиторов.

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2019 г. по делу № А41-45775/16 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, с учетом обстоятельств дела и наличия непогашенных сумм субсидиарной ответственности суд первой инстанции обосновано пришел к выводу о завершении процедуры реализации имущества в отношении должника без применения правила об освобождении от обязательств⁹.

3. Дело о банкротстве Трахтенберга В.М. В рамках дела о банкротстве должника финансовый управляющий указывал на то, что должник уклоняется от предоставления запрошенной информации, имеются основания не освобождать должника от обязательств. Кроме того, управляющий выразил мнение, что должник действовал неосмотрительно, не имея реальных активов и возможности гасить обязательства, заключил договоры поручительства с ПАО «Сбербанк» в обеспечение обязательств ЗАО «Пограничник», впоследствии заключил дополнительные договоры поручительства с АО «Россельхозбанк» по кредитным договорам ЗАО «Пограничник». В дальнейшем в рамках иного судебного дела с должника в пользу ЗАО «Пограничник» в порядке субсидиарной ответственности были взысканы денежные средства в размере 45,2 млн руб.

В итоге суд первой инстанции завершил процедуру реализации имущества должника, не применив к нему правило об освобождении от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Суд апелляционной инстанции напомнил, что результат решения вопроса о наличии либо отсутствии обстоятельств, при которых должник не может быть освобожден от исполнения обязательств, существенно зависит от добросовестности поведения самого должника. По правилам ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о возможности освобождения гражданина от дальнейшего исполнения обязательств, лежит на самом должнике. В данном случае должник действовал недобросовестно: не являлся в судебные заседания, не представлял документы по требованию суда, не подтвердил документально свои доводы и т.д.

⁹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2019 г. по делу № А41-94769/15 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, как обоснованно и правомерно указал суд первой инстанции, согласно п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве правила п. 5 настоящей статьи также применяются к требованиям, в частности, о привлечении гражданина как контролирующего лица к субсидиарной ответственности. При этом основание, связанное с привлечением должника к субсидиарной ответственности (абз. 2 п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве), является самостоятельным условием для неосвобождения гражданина-банкрота от обязательств, подпадающих под регулирование вышеназванных положений Закона о банкротстве (п. 5, 6 ст. 213.28 данного закона)¹⁰.

4. Дело о банкротстве Хлебникова Д.А. Гражданин Хлебников Д.А. был привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО «Рестройконтракт» на сумму 39,8 млн руб. В дальнейшем ООО «Рестройконтракт» инициировало процедуру личного банкротства должника. При этом требования общества выступали единственным рестровым требованием к должнику.

По результатам процедуры реализации имущества Хлебникова Д.А. какое-либо имущество не выявлено, конкурсная масса не формировалась, требования кредиторов не погашались. В итоге суд первой инстанции завершил процедуру банкротства, не освободив должника от обязательств.

Суд подчеркнул, что, согласно п. 5 ст. 213.28 Закона о банкротстве, денежные требования, тесно связанные с личностью должника, не подлежат списанию с должника после завершения дела о банкротстве. Согласно абз. 2 п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве правило о неосвобождении от долгов применяется к лицам, привлеченным в качестве контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, Хлебников Д.А. не подлежит освобождению от задолженности перед ООО «Рестройконтракт», поскольку указанное основание (абз. 2 п. 6 ст. 213.28 Закона о банкротстве) является самостоятельным основанием для

¹⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 сентября 2019 г. по делу № А21-3824/18 // СПС «КонсультантПлюс».

неосвобождения гражданина-банкрота от долгов.

Необходимо отметить, что косвенной причиной и основанием для неосвобождения Хлебникова Д.А. от обязательств также стало то, что он фактически уклонился от добровольного взаимодействия с финансовым управляющим, не представил необходимые финансовому управляющему сведения и документацию.

Апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции и оставил его определение в силе¹¹.

Таким образом, проанализировав релевантную судебную практику, можно сделать вывод, что арбитражный суд не освободит должника-гражданина от исполнения обязательств перед кредиторами в случае наличия в реестре требований кредиторов, основанных на субсидиарной ответственности должника как контролирующего лица соответствующего хозяйственного общества. Указанное обстоятельство само по себе является достаточным для сохранения данной задолженности, поскольку наличие субсидиарной ответственности свидетельствует о недобросовестном поведении должника в рамках хозяйственных отношений, что, в свою очередь, не позволяет списать его долги в процедуре личного банкротства, поскольку данный институт призван защищать интересы лишь добросовестных должников, не допуская при этом необоснованного ущемления прав и интересов кредиторов.

Основная концепция освобождения должника от обязательств, распределяющая риски дефолта, применима к стандартным взаимоотношениям доб-

росовестного должника и кредиторов. Совершение же должником умышленных правонарушений, более того, направленных на причинение вреда кредиторам, не вписывается в указанную концепцию. Поэтому требования, возникшие в связи с такими неправомерными действиями, сохраняют свою силу и после процедуры банкротства.

Представляется обоснованным согласиться с профессором Карелиной С.А., которая отмечает, что правовая конструкция механизма освобождения гражданина от обязательств состоит из следующих элементов: условий применения механизма освобождения гражданина от обязательств; правил об исключениях в механизме освобождения гражданина от обязательств; признаков недобросовестности гражданина.

Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о неосвобождении от обязательств недобросовестных должников, а также о недопустимости банкротства лиц, испытывающих временные затруднения, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов. Таким образом, устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213.30 Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов¹².

¹¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 июня 2019 г. по делу № А56-21809/17 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2017 г. по делу № А70-14095/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография / К.Б. Кораев. Москва : Проспект, 2017. 320 с.
2. Морхат П.М. Банкротство физических лиц: поиск баланса интересов должника и кредиторов / П.М. Морхат // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 3. С. 54–65.

Принцип добросовестности в судебной практике разрешения споров, связанных с перевозкой грузов, пассажиров и багажа

Микрюков Виктор Алексеевич,

доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vmikryukov@yandex.ru

Микрюкова Галина Алексеевна,

доцент кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
mikryukovaga@yandex.ru

Авторы анализируют влияние принципа добросовестности на определение содержания и процесса исполнения транспортных обязательств, возникающих из договоров перевозки грузов, пассажиров и багажа, а также на толкование судами пока не измененных правил специального законодательства с учетом этого нового начала гражданского права. Подчеркивается значение метода аналогии в применении новых судебных подходов к разрешению споров на различных видах транспорта.

Ключевые слова: договор перевозки, транспортные обязательства, принцип добросовестности, метод аналогии.

The Principle of Good Faith in the Judicial Practice of the Review of Disputes Related to the Transportation of Cargo, Passengers and Baggage

Mikryukov Viktor A.

Senior Lecturer of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

Mikryukova Galina A.

Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law)

Authors explore impact caused by good faith principle on determination of content and performance of transport obligations arising from contracts for carriage of goods, passengers and luggage, and on judicial interpretation of not amended yet rules of special legislation with consideration to this new civil law initiative. They emphasize importance of analogy method in application of new judicial approaches to resolution of disputes on various modes of transportation.

Keywords: transportation contract, transportation obligations, good faith principle, analogy method.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) требование добросовестности участия субъектов в отношениях, входящих в предмет гражданского права, распространяется не только

на процесс реализации гражданских прав и исполнения обязанностей, но и на стадию их возникновения и защиты. Конкретизируя это общеотраслевое начало гражданско-правового регулирования,

п. 3 ст. 307 ГК РФ применительно к обязательственным отношениям закрепляет, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Придание требованию добросовестного поведения в гражданском обороте статуса одного из начал гражданского законодательства не только повлекло за собой одновременное соответствующее изменение и дополнение многих положений общей части ГК РФ, но и настоятельно потребовало нового научного осмысления и корректировки судебных позиций при разрешении гражданско-правовых споров в отношениях, урегулированных прежними, пока не обновленными специальными нормами. В этом аспекте можно согласиться с тем, что пристальное внимание к конкретным юридико-техническим приемам утверждения принципа добросовестности в законодательстве и его практическому регулятивному потенциалу стало трендом современной цивилистики¹. Соответствующее уточнение судебного подхода, ориентированного на учет соблюдения правил добрых нравов, наглядно проявилось в сфере применения транспортного законодательства, регулирующего грузовые и пассажирские перевозки, в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и договоре транспортной экспедиции» (далее — Постановление № 26).

Прежде всего обратим внимание на практические выводы, сделанные Верховным Судом РФ с учетом принципа добросовестности применительно

к установлению и исполнению обязательств по **перевозке пассажиров и багажа**.

Развитие информационных технологий привело к перемещению процесса заключения договора перевозки пассажира из сферы традиционной коммуникации в цифровую среду виртуальных контактов. Организация перевозочного бизнеса по модели «Убер» вышла далеко за рамки рынка такси². В условиях охватившей жизнь россиян «многоуровневой нумерации и ботизации»³ граждане, заинтересованные в получении любой транспортной услуги, ищут необходимую информацию о расписании движения не на стендах перевозчиков и покупают проездные документы не в кассах вокзалов и станций, а внимают рекламе и обращаются на различные сайты в сети Интернет. Далеко не всегда гражданину удается попасть непосредственно на сайт перевозчика и заплатить именно ему за предстоящую поездку. Зачастую он, сам того не осознавая, приобретает билет у посредника (комиссионера, агента), а то и просто у какого-либо мошенника. Это существенно затрудняет защиту прав такого гражданина при их нарушении, если транспортная организация отрицает факт заключения договора или оспаривает его условия. Именно для таких ситуаций Верховный Суд РФ разъяснил: лицо, к которому обращается клиент для заключения договора перевозки пассажира и багажа, отвечает перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред. Если оно заключило договор перевозки от своего имени либо из обстоятельств заключения договора (например, рекламные вывески, информация на сайте в сети Интернет, переписка сторон и т.п.), у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается именно с этим лицом, а фактический перевозчик является его работником либо третьим

¹ Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

² Молотников А.Е., Архипов Е.В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.

³ Плешанова О.П. Многоуровневая нумерация и ботизация всей страны // Закон. 2019. № 6. С. 112–123.

лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке (п. 18 Постановления № 26). Руководствуясь данным разъяснением, Московский городской суд удовлетворил требование гражданки Г. к ООО «Яндекс.Такси» о признании договора перевозки пассажира легковым такси (договора фрахтования) заключенным, возмещении вреда здоровью, утраченного заработка, компенсации морального вреда, взыскании штрафа и судебных расходов. Ответчик иск не признал, осуществление перевозочной деятельности отрицал, полагая, что предоставляет пользователям мобильного приложения исключительно услуги информационно-посреднического характера. Однако суд принял во внимание рекламную продукцию ООО «Яндекс.Такси» об оказании услуг такси, принятие заказа на перевозку его диспетчером, снимок SMS-сообщения, направленного данным обществом на мобильный телефон истца с указанием цены услуги, а также внешний вид прибывшего по заказу автомобиля с нанесенной на него надписью и логотипом «Яндекс.Такси». При таких обстоятельствах у истца не было сомнений по вопросу о стороне заключенного договора⁴. По другому делу суд, также опираясь на п. 18 Постановления № 26, привлек к ответственности перед пассажиром маршрутного такси С.Е. индивидуального предпринимателя П., который в соответствии с реестром муниципальных маршрутов регулярных перевозок в границах города Омска числился обладателем свидетельства на осуществление перевозок по маршруту №... сроком действия до..., несмотря на его доводы об отсутствии реальной перевозочной деятельности как своими силами, так и силами своих работников. Фактические перевозчики были признаны судом третьими лицами, привлеченными оператором маршрута для перевозки пассажиров, за действия которых отвечает индивидуальный предприниматель П.⁵

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 4 апреля 2019 г. по делу № 33-4939/19.

⁵ Апелляционное определение Омского областного суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 33-7806/2018.

Мы видим, что требование добросовестного поведения адресовано обеим сторонам возможного спора: гражданин не должен быть небрежным, ему следует проявить обычную для такого рода операций по вступлению в договорную связь внимательность, а посредник обязан надлежаще выполнить информационную обязанность, т.е. предоставить полную, понятную, доступную информацию не только об интересующей потребителя транспортной услуге, но и о себе как посреднике перевозчика, не являющемся непосредственным исполнителем перевозки. В этой связи нелишним будет напомнить, что п. 4 ст. 12 закона о защите прав потребителей установлена презумпция отсутствия у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работ, услуг), а п. 2 ст. 8 этого закона требует доведения информации до потребителя в наглядной и доступной форме. Это с высокой степенью вероятности означает, что суд снисходительно отнесется к оценке добросовестности спешащего гражданина, недостаточно внимательно прочитавшего длинные, напечатанные мелким шрифтом и содержащие много специальных терминов правила оказания услуг интернет-агрегаторами, ознакомление с которыми предлагается до получения доступа к этим услугам.

Для потребителя важно, что перевозчик не может требовать от него помимо оплаты собственно доставки пассажира и багажа в пункт назначения каких-либо дополнительных платежей, например, вознаграждения за оформление проездного документа, поскольку гражданин приобретает не билет и багажную квитанцию, а перемещение в пространстве — транспортную услугу, в то время как агент вправе взимать плату за посредническую услугу (п. 6 Постановления № 26). Но такой агент, не просто поспособствовавший установлению контакта заинтересованных в перевозке сторон, а предоставивший гражданину возможность оплатить поездку на своем сайте, поставлен Верховным Судом РФ в положение субъекта, отвечающего перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред.

Использование терминологии, принятой для регулирования деликтных отношений, способно навести на мысль, что агенты, в том числе владельцы агрегаторов информации об услугах, могут быть привлечены только к возмещению вреда жизни, здоровью или имуществу пассажира, в частности, в случае порчи одежды пассажира вследствие загрязнения салона транспортного средства (п. 16 Постановления № 26), но не к иным видам ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора перевозки (например, взысканию неустойки за задержку отправления транспортного средства или опоздание его прибытия в пункт назначения, возмещению расходов пассажира при необеспечении ему должных условий в пути, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры). Кроме того, в Постановлении № 26 нет ответа на вопрос о правовом положении в споре фактического перевозчика, непосредственными действиями (бездействием) которого нарушены права пассажира. Думается, в силу п. 2 ст. 322 ГК РФ и с учетом принципа добросовестности реальный перевозчик и посредник, не раскрывший своего имени и роли при заключении договора перевозки и тем самым вставший на сторону перевозчика в транспортном обязательстве, должны **солидарно нести перед пассажиром всю тяжесть предусмотренной законом и договором ответственности** за неисполнение и ненадлежащее исполнение этого обязательства. Напротив, предоставление гражданину исчерпывающей информации о своей исключительно посреднической роли в заключении договора перевозки позволяет посреднику избежать ответственности за допущенные перевозчиком нарушения условий возникшего транспортного обязательства. Так, Московский городской суд отказал в иске гражданке Т.Ф. к ООО «Букбилет» о возмещении убытков в виде разницы в стоимости возвращенных из-за переноса времени отправления транспортного средства билетов и вновь приобретенных ею билетов по аналогичному маршруту. Суд принял во внимание, что истица была надлежаще информирована о статусе и обязанностях ответчика как

представителя перевозчика, о выполнении им этих обязанностей (заключении договоров в точном соответствии с информацией, полученной от перевозчика, своевременном извещении о переносе времени первоначально запланированного рейса, предложении согласовать новое время поездки, незамедлительном возвращении уплаченных гражданкой денежных средств в полном объеме)⁶.

Своеобразное отражение принципа добросовестности усматривается в разъяснении значения проездного билета и багажной квитанции, удостоверяющих заключение договора перевозки пассажира и багажа. В пункте 5 Постановления № 26, опираясь на презумпцию добросовестности действий гражданина, претендующего на статус пассажира или получателя багажа, Верховный Суд РФ указал, что отсутствие, неправильность или утрата проездного билета или багажной квитанции сами по себе не являются основанием для признания договора перевозки пассажира и багажа незаключенным или недействительным. Разумность и добросовестность перевозчика в такой ситуации требуют не игнорировать иные доказательства наличия между сторонами договорных отношений. При этом, представляется, что ссылка в указанном пункте Постановления № 26 на ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ не должна восприниматься как сужающая пределы действия рекомендации по учету любых допустимых доказательств только при рассмотрении дела в суде. При обнаружении пороков оформления договора иные способы доказывания подлежат принятию во внимание на всех стадиях исполнения транспортного обязательства, в том числе при посадке гражданина в транспортное средство, в пути следования, при сдаче и получении багажа. Указанный подход ориентирует перевозчика с большой осторожностью осуществлять предоставленное ему право на отказ от исполнения договора перевозки путем недопуска «безбилетного» пассажира в транспортное средство или высадки его

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 февраля 2014 г. по делу № 33-3784.

до окончания процесса перевозки. Примечательно дело, в котором суд не признал гражданина безбилетным, несмотря на отсутствие у него проездного документа. Гражданин Ч.А. осуществил посадку в транспортное средство на остановочном пункте с неработающей билетной кассой. При этом транспортное средство относилось к категории «стандарт+» и в нем, согласно рекламным плакатам, должен быть доступ к сети Интернет. Однако гражданину по не зависящим от него техническим причинам не удалось оплатить проезд с помощью банковской карты электронной платежной системы Visa. Контролер составил акт о нарушении гражданином Ч.А. правил проезда и наложил на него штраф. Суд не позволил ответчику извлечь преимущество из своего недобросовестного поведения и не только отменил штраф за безбилетный проезд, но и взыскал в пользу потребителя компенсацию морального вреда и штраф за отказ от добровольного удовлетворения его требований⁷.

Применение принципа добросовестности к исполнению перевозчиком обязательства по перевозке багажа привело Верховный Суд РФ к выводу о недопустимости формального подхода к толкованию правовой нормы о распределении обязанностей по подготовке багажа к транспортировке для обеспечения его сохранности. Прямо сославшись на п. 3 ст. 307 ГК РФ о необходимости добросовестного поведения сторон на всех стадиях развития обязательственного правоотношения, Верховный Суд РФ разъяснил нижестоящим инстанциям, что перевозчик, который безоговорочно, не проинформировав контрагента, принял к перевозке багаж в упаковке с явными недостатками, не может быть освобожден от ответственности за недостачу или повреждение такого багажа, несмотря на то, что обязанность по упаковке нормативно возложена на пассажира и по общему правилу перевозчик не отвечает за несохранность багажа, наступившую по этой причине (подп. 2 п. 14 Постановления № 26).

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 21 октября 2019 г. по делу № 33-28446/2019.

Обращает на себя внимание суждение Верховного Суда РФ, касающееся случаев, когда полностью или частично утрачен или поврежден багаж, ценность которого пассажир не объявил при передаче перевозчику и невозможности установить размер убытков пассажира с разумной степенью достоверности, как того требует п. 5 ст. 393 ГК РФ. В таких делах суды не должны отказывать пассажиру в иске, им указано на необходимость определения размера ущерба исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности перевозчика допущенному им нарушению обязательства (п. 13 Постановления № 26). Думается, что в описанных обстоятельствах автомобильных перевозок справедливым может явиться применение по аналогии правил определения стоимости утраченного или недостающего багажа, сданного к перевозке без объявленной ценности на воздушном транспорте. Согласно подп. 2 п. 1 ст. 119 Воздушного кодекса РФ за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа, груза, принятых к перевозке без объявления ценности, перевозчик несет ответственность в размере их стоимости, но не более шестисот рублей за килограмм веса багажа или груза.

При оценке добросовестности поведения сторон, заключающих **договор перевозки груза**, Верховный Суд РФ рекомендует учитывать легальное определение договора (ст. 785 ГК РФ), согласно которому перевозчик обязуется переместить груз в пространстве в конкретное место, обеспечить его сохранность и выдать управомоченному на получение груза лицу. Это определение не возлагает на перевозчика обязанностей, непосредственно не связанных с пространственным перемещением груза, например, по оформлению документов на груз, необходимых для беспрепятственного преодоления санитарных, таможенных, карантинных и т.п. барьеров, равно как и по проверке правильности и полноты таких документов, предоставляемых грузоотправителем. Перевозчик не только не несет рисков, связанных с несоответствием сопровождающих груз документов установленным требованиям, но и вправе требовать от грузоотправителя

возмещения убытков, в том числе сумм, выплаченных перевозчиком иным лицам из-за отсутствия, недостоверности или неполноты указанных документов (п. 21 Постановления № 26). Вместе с тем, поскольку исполнение лежащей на отправителе обязанности по упаковке груза оказывает непосредственное влияние на его сохранность, обеспечение безопасности перевозки и недопущение повреждения транспортного средства, контейнера, перевозчик, следуя требованию п. 3 ст. 307 ГК РФ проявлять добросовестность и оказывать необходимое содействие контрагенту для достижения цели обязательства, в момент принятия груза обязан обратить внимание отправителя на явные или известные ему из представленной отправителем информации недостатки упаковки груза. В этом случае обусловленные некондиционной упаковкой и (или) неправильным размещением груза в транспортном средстве негативные последствия повреждения (порчи) груза лягут на грузоотправителя⁸. Недобросовестный перевозчик, принявший к перевозке груз с критичными нарушениями требований к упаковке, но не проинформировавший об этом обстоятельстве отправителя и не сделавший соответствующих оговорок в транспортной накладной, несет ответственность за несохранность груза, происшедшую вследствие его ненадлежащей упаковки (подп. 2 п. 22 Постановления № 26). При таком распределении бремени добросовестности в обязательственно-правовом взаимодействии участников перевозочного процесса перевозчик, не проявивший должного уровня добрых нравов и допустивший бездействие в отношении определения состояния упаковки груза, будет вынужден возместить не только стоимость поврежденного груза, но и иные убытки, причиненные несохранной доставкой⁹.

Встречающаяся на практике неверная квалификация опосредующего транспортный процесс договора в качестве договора возмездного оказания услуг, подчиняющегося нормам главы 39 ГК РФ, в случае возникновения судебного спора может привести к необоснованному отклонению довода ответчика о пропуске истцом (сокращенного по сравнению с общим трехлетним) годичного срока исковой давности, установленного в п. 3 ст. 797 ГК РФ и ст. 42 УАТ РФ¹⁰. Это дополнительно актуализирует указание Верховного Суда РФ на необходимость выявления существа основной обязанности перевозчика по оказанию особого рода отдельно урегулированной гл. 40 ГК РФ услуги, состоящей в сохранном перемещении людей и вещей в пространстве с использованием предназначенных для этого транспортных средств.

Следует обратить особое внимание на то, что, вопреки распространенной в юридической литературе¹¹ и разделяемой в судебной практике позиции считать наличие вины основанием для ответственности перевозчика за необеспечение сохранности груза, Верховный Суд РФ, системно истолковав п. 3 ст. 401, п. 1 ст. 796 ГК РФ и п. 5 ст. 34 и ст. 36 УАТ РФ, указал, что основанием для освобождения перевозчика от ответственности является непреодолимая сила и иные обстоятельства, прямо указанные в законе как те, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. К числу последних, по мнению высшей судебной инстанции, не относятся случайные потери, возникшие в том числе вследствие случайного возгорания транспортного средства, дорожно-транспортного происшествия, противоправных действий третьих лиц, например, кражи груза. Такое толкование закона воспрепятствует перевозчику

⁸ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 марта 2019 г. № Ф06-43035/2019 по делу № А65-10538/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 октября 2019 г. № Ф07-13498/2019 по делу № А56-149450/2018.

⁹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 января 2019 г. № Ф09-7781/18 по делу № А50-2715/2018; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от

6 сентября 2019 г. № 09АП-43886/2019-ГК по делу № А40-29806/2019.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 сентября 2019 г. № Ф09-4285/19 по делу № А76-6201/2018.

¹¹ Накушнова Е.В., Кириченко О.В. Актуальные вопросы правового регулирования ответственности перевозчика за несохранность груза или багажа // Гражданское право. 2017. № 6. С. 8–10.

недобросовестно доказывать отсутствие своей вины в несохранности груза в споре с отправителями или получателями, не имеющими реальных возможностей контролировать процесс перевозки. Не отвечающими добрым нравам признан Верховный Суд РФ и попытки перевозчика освободиться от санкций за просрочку доставки груза, ссылаясь на введение в установленном порядке ограничений или запретов на движение транспортных средств по автомобильным дорогам, если эта мера принята в период, когда перевозчик уже нарушил срок исполнения обязательства (п. 23 Постановления № 26).

Весьма примечательное отражение получил принцип добросовестности в подходе Верховного Суда РФ к разрешению проблемы разграничения обязательств перевозчика и **экспедитора**. Значение правильного установления правовой природы заключенного между сторонами договора по поводу перевозки груза трудно переоценить: этим определяются круг обязанностей и пределы ответственности транспортной организации перед контрагентом и иными участниками соответствующих отношений. Особую важность выявлению юридических характеристик соглашений в сфере перевозки придает разъяснение Верховного Суда РФ о том, что отсутствие или пороки транспортной накладной сами по себе не означают признание договора перевозки груза незаключенным или недействительным, в этом случае наличие между сторонами договорных отношений может подтверждаться иными доказательствами (п. 20 Постановления № 26). В то же время иные доказательства с учетом разнообразия возможного содержания (многомодельности) договора транспортной экспедиции могут привести к признанию заключенного между сторонами соглашения именно экспедиционным договором, а не договором перевозки груза. Это может вообще снять с экспедитора ответственность за утрату, недостачу, повреждение (порчу) груза перевозчиком, если в силу договора экспедитор был обязан выполнять только такие отдельные функции грузоотпра-

вителя, как, например, осуществление расчетов с перевозчиком либо подготовка документов, необходимых для перевозки¹². Напротив, на экспедитора, взявшегося не только выполнить отдельные операции, связанные с перевозкой груза, но и организовать и/или осуществить ее, возлагается гораздо больше обязанностей, чем на перевозчика по договору перевозки груза. В частности, экспедитор в силу прямого указания Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности», принимая груз от клиента, обязан *проверять* информацию об условиях перевозки груза, а также иную информацию, необходимую для исполнения экспедитором своих обязанностей, и несет ответственность за нарушение этой обязанности как перед клиентом, так и перед привлекаемым им к исполнению обязательства фактическим перевозчиком. Экспедитор, самостоятельно перевозящий груз, отвечает перед клиентом на общих основаниях (гл. 41 и 25 ГК РФ), а не ограниченно, как перевозчик по договору перевозки груза (гл. 40 ГК РФ). Экспедитор, непосредственно не осуществлявший перевозку, но каким-либо образом выразивший намерение гарантировать сохранную доставку груза, по мнению Верховного Суда РФ, может быть привлечен клиентом к солидарной ответственности с фактическим перевозчиком. Располагая знаниями об иных основаниях и размерах ответственности по договору транспортной экспедиции, недобросовестные транспортные организации избегают должным образом именовать заключаемые с клиентами соглашения, часто не используют или неправильно используют легальные обозначения сторон либо оформляют лишь отдельные действия по исполнению обязательства не содержащими достаточных сведений о природе договора документами (актами, расписками, квитанциями). Во всех таких ситуациях судам рекомендовано при квалификации правоотношений

¹² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2019 г. № 06АП-3996/2019 по делу № А73-21805/2018.

участников спора исходить из признаков договора, предусмотренных гл. 40 и 41 ГК РФ, независимо от наименования договора, названия его сторон и т.п., то есть выявлять их действительную волю в конкретных обстоятельствах заключения и исполнения договора (п. 26 Постановления № 26). Последовательно применяя выработанные Верховным Судом РФ общие правила толкования договора (п. 43–46 постановления Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора»), суды в случае сомнения в квалификации транс-

портного договора вправе понимать его в пользу контрагента транспортной организации как стороны, профессионально осуществляющей деятельность в сфере перевозки.

В целом оценивая анализируемое Постановление № 26, следует подчеркнуть: несмотря на то, что в нем непосредственно речь идет только об автомобильных перевозках, оно в силу возрастающей роли аналогии в механизме правового регулирования экономической деятельности не может не иметь большого значения и для участников перевозочных отношений на других видах транспорта.

Литература

1. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 32. С. 175–184.
2. Молотников А.Е. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности / А.Е. Молотников, Е.В. Архипов // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.
3. Накушнова Е.В. Актуальные вопросы правового регулирования ответственности перевозчика за несохранность груза или багажа / Е.В. Накушнова, О.В. Кириченко // Гражданское право. 2017. № 6. С. 8–10.
4. Плешанова О.П. Многоуровневая нумерация и ботизация всей страны / О.П. Плешанова // Закон. 2019. № 6. С. 112–123.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С 30 марта 2020 года в заявлении о выдаче судебного приказа и исковом заявлении требуется указывать ряд дополнительных сведений о гражданине-должнике

Вводится обязанность указывать в исковых заявлениях, заявлениях о выдаче судебного приказа один из идентификаторов ответчика — физического лица (СНИЛС, ИНН, серию и номер документа, удостоверяющего личность, ОГРНИП, серию и номер водительского удостоверения, серию и номер свидетельства о регистрации транспортного средства). При этом в исковом заявлении гражданина один из идентификаторов гражданина-ответчика указывается, если он известен истцу.

Одновременно предусматривается указание одного из идентификаторов ответчика — физического лица в самом судебном приказе и исполнительных документах.

См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ

Влияние цифровых технологий на реализацию социальных функций государства в контексте обеспечения права на исполнение судебного решения*

Валеев Дамир Хамитович,

заместитель декана по науке юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
доктор юридических наук, профессор
valeev55@gmail.com

Нуриев Анас Гаптрауфович,

руководитель аппарата Конституционного суда Республики Татарстан,
кандидат юридических наук, доцент
anasnuriev@yandex.ru

В условиях цифровой экономики реализация права на исполнение судебного решения в рамках «цифрового исполнительного производства» становится более прозрачной и должна способствовать укреплению доверия со стороны информационного общества к органам, осуществляющим исполнение судебных решений, в частности и к государству в целом. В представленной статье анализируется потенциальная возможность создания электронных реестров, которые будут решать две группы задач: 1) профилактическую, предполагающую создание электронного реестра должников; 2) компенсационную, предусматривающую создание электронного реестра взыскателей, включение в который будет означать отсутствие одного из компонентов права на судебную защиту — права на исполнение судебного решения, которое будет компенсировано за счет средств фонда, устанавливающего минимальный порог денежной компенсации взыскателю, в случае невозможности исполнения решения суда и тем самым обеспечит реализацию конституционных принципов построения социального государства. На основе анализа правоприменительной практики делается вывод, что исполнимость судебного решения, как третий элемент права на судебную защиту, не предполагает гарантированного исполнения решения суда, допуская ограничение ответственности государства надлежащей организацией принудительного исполнения судебного решения. Отмечается, что Россия, как социальное государство, должна создать дополнительные механизмы, устанавливающие минимальные гарантии для неисполненных производств, с тем, чтобы были созданы возможности для реализации третьего компонента права на судебную защиту.

Ключевые слова: социальное государство, цифровое исполнительное производство, цифровая экономика, право на исполнение судебного решения.

The Impact of Digital Technologies on the Implementation of Social Functions of the State within the Framework of Securing the Right to Enforcement of a Court Judgment

Valeev Damir Kh.

Deputy Dean for Research of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, LL.D., Professor

Nuriev Anas G.

Head of the Administrative Office of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan
PhD (Law), Associate Professor

In the context of the digital economy, the exercise of the right to enforce a judgment within the framework of 'digital enforcement proceedings' is becoming more transparent and should help strengthen the confidence of the information society side in the bodies that enforce judicial decisions, in particular, in the state as a whole. The presented article analyzes the potential possibility of creating electronic registries that will solve two groups of problems: 1) a preventive

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 МК.

task, involving the creation of an electronic register of debtors; 2) the compensation task, which involves the creation of an electronic register of claimants, the inclusion of which will mean the absence of one of the components of the right to judicial protection: the right to enforce a court decision, which will be compensated by the funds of the fund, establishing a minimum threshold for monetary compensation to the claimant, if it is impossible to enforce court decisions and thereby ensure the implementation of constitutional principles for building a social state. Based on the analysis of law enforcement practice, it is concluded that the enforceability of a court decision, as the third element of the right to judicial protection, does not imply guaranteed execution of a court decision, allowing the state to be limited by the proper organization of the enforcement of the court decision. It is noted that Russia as a social state should create additional mechanisms establishing minimum guarantees for unfulfilled proceedings, so that opportunities are created for the implementation of the third component of the right to judicial protection.

Keywords: social state, digital enforcement proceedings, digital economy, the right to enforce a judgment.

Цифровизация общественных отношений предполагает трансформацию правовых регуляторов, которые должны устанавливать определенные правила поведения с учетом возможностей информационно-телекоммуникационных технологий¹. Отправление правосудия, реализуемое в силу ст. 118 Конституции РФ судебными органами, также претерпевает воздействие информационных технологий, и, как следствие, происходит автоматизация определенных видов процессуальной деятельности. Систему нормативных регуляторов, определяющих порядок использования информационно-телекоммуникационных технологий с целью реализации конституционного права на судебную защиту, можно в самом общем виде определить как «электронное правосудие».

Вместе с тем правоприменительная практика Европейского суда по правам человека требует более выверенного подхода к пониманию права на судебную защиту и, как следствие, распространения понятия «электронное правосудие» и на иные сферы процессуальной деятельности, не ограниченные судебной монополией. Так, в обобщении Европейского суда по правам человека по праву на справедливое судебное разбирательство красной нитью проходит проблема исполнения судебного решения:

— ст. 6 конвенции применяется ко всем стадиям судебного разбирательства по «спорам о гражданских правах и обязанностях», не исключая стадий, имеющих место после вынесения решения по

существу. Исполнение судебного акта, вынесенного любым судом, должно рассматриваться в качестве неотъемлемой части «судебного разбирательства» применительно к ст. 6 Конвенции (Хорнсби против Греции (*Hornsby v. Greece*), п. 40; Романчук против Франции (*Romańczyk v. France*), п. 53);

— право на исполнение решений, вынесенных любым судом, является неотъемлемой частью «права на суд» (Хорнсби против Греции (*Hornsby v. Greece*), п. 40; Скордино против Италии (№ 1) [БП] (*Scordino v. Italy (no. 1) [GC]*), п. 196). В противном случае положения п. 1 ст. 6 были бы лишены какого-либо полезного смысла (Бурдов против России (*Burdov v. Russia*), п. 34 и 37);

— эффективная защита истца и восстановление законности предполагают обязанность административных органов соблюдать судебные акты (Хорнсби против Греции (*Hornsby v. Greece*), п. 41; Киртатос против Греции (*Kyrtatos v. Greece*), п. 31–32)².

Правоприменительная практика Европейского суда по правам человека, безусловно, оказывает влияние на российскую правовую систему³ и отечествен-

¹ См., например: Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 3 (45). С. 467–489.

² Руководство по статье 6 Конвенции — право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) // Council of Europe/European Court of Human Rights. 2013. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_RUS.pdf

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой

ную доктрину⁴. С учетом этого можно утверждать, что в Российской Федерации установилось понимание права на судебную защиту как совокупность трех взаимообусловленных элементов:

1) право на обращение в суд, состоящее из права на иск и права на удовлетворение иска (рассмотрение дела в суде первой инстанции);

2) право на исправление судебной ошибки (суды второй и надзорной инстанций, включая возможность пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам);

3) право на исполнение решения суда (элемент, исключенный из иерархично выстроенной судебной системы).

Только при условии одновременной реализации всех трех взаимообусловленных элементов можно говорить о реализации права на судебную защиту в ее конституционно-правовом понимании.

В рамках информационного пространства⁵ проблема реального исполнения судебного решения будет напрямую влиять на формирование «позитивной» либо «негативной» повестки, иллюстрирующей реализацию права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Так, например, открытые статистические данные Федеральной службы судебных приставов наглядно демонстрируют показатели исполнимости судебных решений. Всего в 2018 г. на стадии исполнения находилось 87 млн исполнительных производств. Показатель «доля исполнительных производств, возбужденных на основании судебных актов, по которым должники полностью или частично исполнили свои обязательства», — 42,8%. Показатель менее 50% означает, что даже не каждый второй участник судебного разбирательства в случае положительного решения в его пользу, вынесенного судом первой или проверочной инстанции, может рассчитывать на реальное исполнение судебного

решения и, как следствие, полноценную реализацию права на судебную защиту⁶.

Соответственно, говоря о праве на судебную защиту, с точки зрения трех взаимообусловленных элементов, мы видим, что третий элемент, право на исполнение судебного решения, выпадает из судебной юрисдикции и должен быть реализован Федеральной службой судебных приставов — органом федеральной исполнительной власти.

Цифровизация процессуальной деятельности, в рамках системы исполнения судебных решений, обусловлена трансформацией системы правовых регуляторов. Как следует из плана работы Федеральной службы судебных приставов на первое полугодие 2020 г.⁷, организована работа по подготовке целевой модели суперсервиса «цифровое исполнительное производство» в составе национального проекта «Цифровая экономика». Суперсервис одобрен на заседании президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (контрольный срок реализации 30 июня 2020 г. (п. 7.18)).

Также в финансово-экономическом обосновании к проекту Федерального закона «О деятельности по возврату просроченной задолженности лиц и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отдельно оговаривается необходимость доработки подсистем АИС ФССП России с целью обеспечения внесения данных, их передачи в ЦА, обобщения и публикации в едином реестре⁸.

гражданина А.М. Траспова». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision99813.pdf>

⁴ См., например: Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты... : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 458 с.

⁵ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁶ Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2018 году / Федеральная служба судебных приставов. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/02019/itogovyj_doklad_za_2018_god_20193181711.pdf

⁷ План работы Федеральной службы судебных приставов на первое полугодие 2020 года, утв. ФССП России 25 декабря 2019 г. № 05/31813вн // СПС «КонсультантПлюс». Официально не опубликован.

⁸ Проект Федерального закона «О деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/11-19/00097204 // СПС «КонсультантПлюс». Официально не опубликован.

Важный фактор, который влияет на исполнимость судебных актов, это своевременность. В условиях цифровой экономики, когда данные в цифровой форме становятся ключевым фактором развития во всех отраслях жизнедеятельности, сфера исполнительного производства нуждается во внедрении автоматизированных систем⁹, которые в конечном итоге могут повлиять на положительную динамику в сфере исполнимости судебных актов. Представляется, что цифровые технологии облегчат межведомственные коммуникации между судебными органами и органами принудительного исполнения, которые позволят в режиме реального времени проводить статистику исполнения судебного решения, сплошную автоматическую рассылку необходимых уведомлений в уполномоченные органы и позволят органам принудительного исполнения посредством автоматизации рутинных процессов сконцентрироваться на исполнении судебных актов, что, безусловно, скажется на положительной динамике исполнимости судебных актов¹⁰.

Цифровизация сферы принудительного исполнения судебных решений решает множество задач, в том числе конституционно определенных. Как следует из положений ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Соответственно, цифровизация на каждом участке общественных отношений должна преследовать первичную цель — обеспечение действия Конституции РФ как акта прямого действия, в том числе благодаря информационно-телекоммуникационным технологиям, модернизи-

рующим механизм правового регулирования. Соответственно, говоря о реализации права на исполнение судебного решения, должна быть выработана модель (в данном случае речь идет об установлении правил поведения, опосредованных возможностями информационно-телекоммуникационных технологий), в перспективе существенно меняющая процентное соотношение 40/60 в пользу исполненных полностью либо частично исполнительных производств.

В настоящее время, как следует из Определения Конституционного Суда РФ от 9 марта 2017 г. № 359-О¹¹, в сфере исполнения судебных решений, вынесенных в отношении частных субъектов, ответственность государства ограничивается надлежащей организацией принудительного исполнения судебного решения и не может подразумевать обязательность положительного результата, если таковой обусловлен объективными обстоятельствами, зависящими от должника, а не от самой по себе системы исполнения судебных решений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 734-О-П и от 1 ноября 2012 г. № 2008-О).

Однако представляется, что Россия, как социальное государство, не должна ограничиваться лишь надлежащей организацией принудительного исполнения решения суда, а с учетом возможностей, цифровых технологий может реализовать два комплекса задач:

1) профилактическую, предполагающую создание электронного реестра должников, включение в который будет накладывать на должника обязанность в момент заключения договора указывать о возбуждении в отношении него исполнительного производства, находящегося на стадии принудительного исполнения. Реализацию данной специфической задачи можно начать со сферы потребительских правоотношений;

⁹ Так, например, в Паспорте национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», в п. 1.54 Федерального проекта «Цифровые технологии» прямо названы точки «цифрового роста» в сфере исполнительного производства. См.: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7. URL: <https://digital.gov.ru> (по сост. на 09.07.2019).

¹⁰ Все это ставит на повестку дня интеграцию «цифрового исполнительного производства» и «электронного правосудия» по аналогии с «электронным документооборотом в сфере отправления правосудия».

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 марта 2017 г. № 359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пономаревой Зои Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision265119.pdf>

2) компенсационную, предусматривающую создание электронного реестра взыскателей, по обращениям которых вынесено постановление судебного пристава-исполнителя о прекращении исполнительного производства и возвращении взыскателю исполнительного документа в связи с отсутствием у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Компенсационная задача в случае ее реализации будет иметь огромный социальный эффект. Как следует из позиции Европейского суда по правам человека, воздерживаясь в течение более чем пяти лет от принятия необходимых мер по исполнению окончательного, вступившего в законную силу судебного акта, национальные власти лишили положения п. 1 ст. 6 всякого полезного смысла (см.: Хорнсби против Греции (*Hornsby v. Greece*), п. 45)¹².

Принятие необходимых мер по исполнению окончательного, вступившего в законную силу судебного решения может выражаться в создании компенсационного фонда государства как публичного субъекта, гарантирующего минимальную денежную сумму, выплачиваемую в случае невозможности исполнения решения суда в течение законодательно определенного периода времени.

Показательным является пример, реализованный в рамках нотариального производства¹³. Так, согласно ст. 17, 18.1 Основ законодательства РФ о нота-

риате¹⁴, вред, причиненный нотариусом имуществу гражданина или юридического лица, в случае недостаточности имущества нотариуса возмещается за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты¹⁵. Кроме того, в Российской Федерации имеется опыт работы Агентства по страхованию вкладов, осуществляющего свою деятельность на основании Федерального закона «О страховании вкладов в банках РФ»¹⁶ с целью защиты прав и законных интересов вкладчиков банков и укрепления доверия к банковской системе Российской Федерации¹⁷.

Соответственно, создание компенсационного фонда отвечало бы интересам Российской Федерации как социального государства, создающего минимальный уровень гарантий для взыскателя в такой чувствительной сфере, как сфера отправления правосудия.

¹⁴ Основы РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

¹⁵ Для этого требуется наличие постановления судебного пристава-исполнителя о прекращении исполнительного производства и возвращении взыскателю исполнительного документа в связи с отсутствием у нотариуса личного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

¹⁶ Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.

¹⁷ См., например: Лялин Д.Ю. Фонд обязательного страхования вкладов: правовые и организационные проблемы формирования // Юрист. 2005. № 5. С. 32–34; Тимофеев С.В. Правовые особенности системы страхования банковских вкладов в России и за рубежом // Банковское право. 2006. № 5. С. 39–43; Тарасенко О.А. Особенности предпринимательской деятельности Агентства по страхованию вкладов // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 24–28.

¹² Руководство по статье 6 Конвенции — право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2013. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_RUS.pdf

¹³ См., например: Нуриев А.Г. К вопросу о понятии нотариального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 22–24.

Литература

1. Валеев Д.Х. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 3 (45). С. 467–489.
2. Лялин Д.Ю. Фонд обязательного страхования вкладов: правовые и организационные проблемы формирования / Д.Ю. Лялин // Юрист. 2005. № 5. С. 32–34.
3. Нуриев А.Г. К вопросу о понятии нотариального права / А.Г. Нуриев // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 6. С. 22–24.
4. Тарасенко О.А. Особенности предпринимательской деятельности Агентства по страхованию вкладов / О.А. Тарасенко // Предпринимательское право. 2014. № 3. С. 24–28.
5. Тимофеев С.В. Правовые особенности системы страхования банковских вкладов в России и за рубежом / С.В. Тимофеев // Банковское право. 2006. № 5. С. 39–43.

Насильственный захват власти или насильственное удержание власти: объективная сторона и вопросы квалификации

Дегтерев Андрей Александрович,
доцент кафедры уголовного права
Астраханского государственного университета (АГУ),
кандидат юридических наук
degtere vand@rambler.ru

Статья посвящена уголовно-правовому анализу основного состава преступления, предусмотренного статьей 278 Уголовного кодекса РФ, относящегося к числу дискуссионных. Автором выделено три самостоятельных состава при рассмотрении насильственного захвата власти и насильственного удержания власти. Указанные в статье 278 Уголовного кодекса РФ деяния посягают на два взаимосвязанных, но самостоятельных видовых объекта: первые два из них направлены на основы политической системы Российской Федерации, основным феноменом которой является государственная власть. Непосредственным объектом выступают отношения, характеризующие легитимность последней, понимаемой как конституционная основа ее существования и функционирования, создания и деятельности органов государственной власти. Третье преступление посягает на конституционный строй Российской Федерации, что непосредственно вытекает из сущности указанного в законе деяния. В зависимости от этого объективная сторона преступления определяется по-разному. Это порождает множество дискуссий и подходов при квалификации преступления, предусмотренного статьей 278 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, общественный деятель, политическая деятельность, общественные отношения, основы конституционного строя, государственная власть, принцип равенства граждан, конституционно-правовые отношения, политическая система страны.

Violent Upeaval or Forced Retention of Power: The Objective Side and Qualification Issues

Degterev Andrey A.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Astrakhan State University (ASU)
PhD (Law)

The article is dedicated to a criminal law analysis of the main constituent elements of a crime stipulated by Article 278 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is open to discussion. The author singles out three independent constituent elements in review of the violent upheaval and forced retention of power. The acts indicated in Article 278 of the Criminal Code of the Russian Federation encroach on two interrelated, but independent object types: the first two are aimed at the bases of the political system of the Russian Federation, where government is the main phenomenon. An immediate object is relations characterizing legitimacy of the latter understood as a constitutional basis of its existence and functioning, creation and activities of government authorities. The third crime encroaches on the constitutional structure of the Russian Federation, which directly follows from the essence of the act indicated in the law. Depending on that, the objective crime side is defined differently. This gives rise to many discussions and approaches to qualification of a crime stipulated by Article 278 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: encroachment on life, public figure, political activities, public relations, fundamentals of constitutional structure, government, principle of the equality of citizens, constitutional law relations, political system of the country.

Своеобразие законодательного описания рассматриваемого преступления обусловило ряд теоретических проблем характеристики его состава, а также практики применения уголовно-правовой нормы. Статья 278 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) гласит: «Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание

власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации»¹.

Объективная сторона рассматриваемого преступления в ст. 278 УК РФ

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

представлена тремя альтернативными деяниями, которые соответственно направлены на: насильственный захват власти; насильственное удержание власти; насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Первое из указанных деяний предполагает совершение действий, представляющих собой попытку прихода политических партий, движений и иных политических сил к власти в Российской Федерации или ее субъектах путем, не предписанным Конституцией РФ. При этом виновные не предусматривают изменение конституционного строя Российской Федерации.

М.Л. Прохорова и А.К. Князькина говорят о захвате, понимая под ним самовольное, без законных на то оснований присвоение лицом (лицами) соответствующих полномочий, присущих той ли иной ветви власти или же всем им в совокупности². Подобная трактовка деяния, на наш взгляд, содержит по крайней мере два обстоятельства, которые искажают смысл закона. Во-первых, в ст. 278 УК РФ говорится не о захвате власти (что предполагает материальный состав преступления), а о действиях, направленных на захват власти (что характеризует усеченный состав преступления; кстати, из этого же исходят сами авторы, определяя момент окончания преступления). Во-вторых, неточным является утверждение о присвоении полномочий; полномочия и власть не являются синонимичными понятиями, первые можно присвоить и без присвоения власти. В этом можно убедиться, обратившись, в частности, к ст. 288 УК РФ, в которой идет речь о присвоении полномочий.

По мнению автора, неточной представляется характеристика рассматриваемого деяния, даваемая А.И. Коробеевым, утверждающим, что «захват власти может сопровождаться прямым блокированием работы представительных и иных органов власти (изоляция депутатов, недопущение их входа в рабочие помещения, угроза физической расправы, предъявление ультиматума и т.п.)»³. Во-первых, действия,

сопровожающие какое-то явление, не раскрывают сущности последнего (они с ним находятся в определенной связи, причем не обязательно, чтобы эта связь была генетической), следовательно, во-вторых, их перечисление ничего не дает для уяснения сути захвата власти. Они могут образовать самостоятельный состав преступления, но об этом автор ничего не говорит.

Действия, направленные на удержание власти, по отношению к действиям, направленным на захват власти, имеют диаметрально противоположный характер, поскольку в этом случае власть находилась у удерживающих ее лиц легально, в соответствии с действующим законодательством. Однако они отказываются передать власть вопреки результатам прошедших выборов, референдума или на другом законном основании, принимают меры для ее сохранения.

Как и применительно к предыдущему деянию, некоторые ученые, раскрывая сущность рассматриваемого преступления, вопреки закону также говорят о фактическом удержании власти. Например, С.А. Балеев пишет: «Удержание власти имеет место тогда, когда виновные, обладающие властью, но обязанные сложить свои полномочия согласно Конституции (отстранение в соответствии с законом от должности, переизбрание и т.д.), делать этого не желают и насильственно удерживают власть»⁴. Указанная подмена искажает вид состава преступления по конструкции: в законодательном варианте, как уже говорилось, имеет место усеченный состав, тогда как автор превращает его в материальный. Это обстоятельство напрямую влияет на определение окончания преступления; оно считается оконченным с момента совершения деяния, направленного на удержание власти, а не с момента ее удержания. Иными словами, момент окончания преступления переносится на более ранний период времени.

Данное обстоятельство обуславливает еще один аспект проблемы — возможность выделения стадий совершения рассматриваемого преступления, в частности, выделения приготовления к преступлению. В судебной практике

² См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. С. 657.

³ Полный курс уголовного права. Т. V / под ред. А.И. Коробеева. С. 51.

⁴ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундукова, М.В. Талан. С. 634.

встречаются уголовные дела, по которым действия виновного были квалифицированы по ч. 1 ст. 30 и ст. 278 УК РФ⁵. А.Г. Хлебушкин, проанализировавший этот приговор, согласился с юридической оценкой действий виновных⁶.

Е.П. Сергун предлагает отказаться от такой конструкции рассматриваемого состава преступления, сформулировав ст. 278 УК РФ следующим образом: «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, совершенные в целях свержения демократического режима, а равно насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации»⁷.

Нарушения логики в предложенном проекте статьи очевидны. Насильственный захват власти и насильственное удержание власти уже сами по себе исключают возможность применения уголовно-правовых средств воздействия на виновного; уголовно-правовая норма в этом случае превращается в пустую декларацию. Кроме того, искусственным представляется и включение в состав рассматриваемого преступления специальной цели — свержение демократического режима. Преступление опасно само по себе, поскольку нарушает конституционные принципы формирования власти и основы конституционного строя Российской Федерации.

Третий вид деяния, предусмотренный ст. 278 УК РФ, — наиболее опасный по своей сути, оно направлено на изменение конституционного строя Российской Федерации: общественный строй, основы политической системы или государственного устройства (гл. 1 Конституции РФ).

По мнению А.Г. Хлебушкина, целесообразность самостоятельной криминализации действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, сомнительна, поскольку они неизбежно связаны с захватом власти или ее насильственным удержанием⁸. На наш взгляд,

эти сомнения беспочвенны. Во-первых, как уже указывалось, закон не говорит о фактическом захвате или удержании власти; во-вторых, даже если и было бы так, то все равно ими не охватываются действия, направленные на изменение конституционного строя Российской Федерации.

Все деяния имеют насильственный характер. Их содержание предполагает любое насилие (причинение вреда здоровью — от легкого до тяжкого, лишение свободы, побои и т.д.). Об этом, в частности, можно судить по санкции ст. 278 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы до двух лет. Потерпевшим выступает представитель органов власти, сформированных в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ.

Причинение смерти указанным лицам не охватывается анализируемой статьей. С учетом специфики потерпевшего действия могут подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ст. 277, 317 или 105 УК РФ. Они не могут быть квалифицированы по ст. 295 УК РФ, также предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие. Состав данного преступления имеет специальные мотив и цель, которые характеризуют иную социальную направленность преступления; оно посягает не на основы политической системы (ст. 277 УК РФ) или порядок государственного управления (ст. 317 УК РФ), а на интересы правосудия.

А.Г. Хлебушкин к проявлению насилия относит и угрозу применения насилия⁹. По мнению автора, это утверждение не основано на законе. Там, где законодатель предусматривает угрозу в качестве деяния или способа его совершения, он указывает ее непосредственно в уголовно-правовой норме¹⁰.

⁵ Архив Верховного Суда Карачаево-Черкесии. Дело № 2-21/2011.

⁶ См.: Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя. С. 146.

⁷ Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 160.

⁸ См.: Хлебушкин А.Г. Указ. соч. С. 141.

⁹ См.: Там же. С. 140.

¹⁰ См. об этом подробно: Рагоз А.И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5; Шарипов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1.

Недопущение представителей власти на работу, блокирование зданий соответствующих учреждений, относимые названным выше автором к насилью в преступлении, предусмотренном ст. 278 УК РФ, также не рассматриваются как характеристика рассматриваемых деяний¹¹. Не являются конститутивным признаком и обстоятельства места совершения преступления, в качестве которого А.Г. Хлебушкин называет здания федеральных органов власти и органов власти субъектов РФ¹². Для этого нет ни правовых, ни фактических оснований.

Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно исходя из направленности деяния. В первом случае оно будет считаться оконченным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; во втором — с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; в третьем — с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. При этом надо иметь в виду, что конструкция состава преступления не предусматривает такого признака, как последствия преступления; более того, уже указывалось ранее, что для наличия преступления не требуется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменения конституционного строя (термин «направленность» свидетельствует об устремленности, сосредоточенности в каком-нибудь направлении). Таким образом, законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменения конституционного строя.

Особенности формулировки ст. 278 УК РФ исключают покушение на рассматриваемое преступление по определению. Обратное утверждение приводит к появлению своеобразной конструкции, неизвестной институту стадий совершения преступления: «...действия (бездействии) лица, непосредственно направленные на совершение преступления» (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «направленные на...» (ст. 278 УК РФ). В то же время следует сказать, что допустимо приготовление к совершению рассматриваемого преступле-

ния; оно может характеризоваться любым действием, указанным в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

При неточном определении объективной стороны преступления может возникнуть ряд проблем, связанных с квалификацией деяния, в частности, по совокупности преступлений. Например, при совершении указанного преступления виновный устанавливает связь с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации, осуществляющим деятельность, направленную против безопасности Российской Федерации. В этом случае, на наш взгляд, имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 278 и 275 УК РФ.

Насильственные действия, предусмотренные указанной статьей, не предполагают причинение смерти. В связи с этим посягательство на государственного или общественного деятеля требует дополнительной квалификации по ст. 277 УК РФ.

Иная ситуация складывается при похищении человека (ст. 126 УК РФ) или его незаконном лишении свободы (ст. 127 УК РФ) в процессе совершения преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. Указанные деяния охватываются соответствующими насильственными действиями, направленными на захват или удержание власти или насильственное изменение конституционного строя России, поэтому они не образуют совокупности преступлений.

Наиболее сложные вопросы квалификации появляются при наличии рассматриваемого преступления и массовых беспорядков, как свидетельствует история, в том числе и недавняя (например, события 2014 г. в Киеве), достаточно часто сопровождающих деяния, предусмотренные ст. 278 УК РФ. Ю.В. Грачева и В.В. Палий считают, что в этом случае имеет место совокупность преступлений; содеянное следует дополнительно квалифицировать по ст. 212 УК РФ¹³. Это в целом правильное мнение, но оно требует некоторой конкретизации. На практике могут возникнуть две типичные ситуации, требующие различной уголовно-правовой оценки.

¹¹ См.: Хлебушкин А.Г. Указ. соч. С. 140.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Грачева Ю.В., Палий В.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 2014. С. 31.

Первая ситуация характеризуется тем, что предусмотренные ст. 278 УК РФ действия выражаются в насилии, погромах, поджогах, уничтожении имущества, применении оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также в оказании вооруженного сопротивления представителю власти, т.е. в признаках преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В данном случае речь могла бы идти об идеальной совокупности преступлений, но последняя отсутствует в связи с тем, что перечисленные выше действия также характеризует и анализируемое преступление.

«Крайней формой насилия является применение оружия. Если оно приобретает форму вооруженного мятежа с целью насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, то деяние полностью охватывается составом вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) и не требует дополнительной квалификации по ст. 278 УК РФ, поскольку названная цель предусмотрена и в ст. 278, и в ст. 279 УК РФ. Если же мятеж преследует *цель захвата власти* (без свержения или насильственного изменения конституционного строя), что выходит за рамки ст. 279 УК РФ, и одновременно *цель нарушения территориальной целостности Российской Федерации*, которая не охватывается составом преступления, описанного в ст. 278 УК РФ, то его следует квалифицировать по совокупности ст. 278 и 279 УК»¹⁴.

В случае реальной совокупности деяний, а также при возникновении умысла на захват власти или его удержание либо нарушение конституционного строя Российской Федерации в процессе совершения массовых беспорядков (при так называемом перерастании одного деяния в другое) содеянное охватывается ст. 212 и 278 УК РФ.

Законодательством предусмотрен специальный вид освобождения лица от уголовной ответственности, совершившего преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ. Согласно примечанию к ст. 275 УК РФ это возможно при наличии следующих обстоятельств: 1) виновный добровольным и своевременным

сообщением органам власти либо иным образом способствовал предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации; 2) в действиях лица не содержится иного состава преступления.

Освобождение является императивным и окончательным.

Добровольность сообщения — достаточно дискуссионная проблема; как правило, она не находит должного отражения в литературе. Многие авторы считают достаточным упоминание о примечании к ст. 275 УК РФ и его действию в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ. Между тем если добровольность сообщения можно трактовать исходя из значения слова «добровольный» (т.е. по собственному желанию, без принуждения), то термин «своевременно» — оценочный, его конкретное значение зависит от ряда обстоятельств, поскольку в целом он трактуется как «в момент или отрезок времени, соответствующий норме или наилучший для чьих-либо дальнейших действий»¹⁵. В законе «своевременность» непосредственно связывается с предотвращением дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации.

Определение указанного обстоятельства непосредственно зависит от стадии совершения преступления. Как уже говорилось, рассматриваемое деяние имеет только две стадии: приготовления и оконченного преступления. Последняя исключает возможность применения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности; оконченное преступление предполагает причинение всего того ущерба интересам Российской Федерации, который предусмотрен законодателем. Вряд ли в этом случае можно говорить о предотвращении дальнейшего ущерба, по сути уже находящегося за пределами уголовно-правового регулирования. Следовательно, наиболее обоснованно связывать своевременность сообщения с приготовлением к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках

¹⁴ Там же.

¹⁵ Викисловарь : [сайт].

же приговорительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет, однако чем раньше лицо сообщит органам власти о задуманном преступлении, тем проще и эффективнее может быть предотвращено причинение вреда правоохраняемым интересам.

Подводя итог, можно сказать, что имеющееся в литературе ограничение ветвей государственной власти, на насильственный захват или удержание которых направлено рассматриваемое преступление, не основано на Конституции РФ, не вытекает из сути уголовно-правовой нормы. Уголовный закон одинаково охраняет как законодательную и исполнительную, так и судебную власть.

Окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, следует определять дифференцированно: первое будет считаться оконченным с момента совершения деяния, направленного на захват власти; второе — с момента совершения деяния, направленного на удержание власти; третье — с момента совершения деяния, направленного на изменение конституционного строя. Для наличия состава преступления не тре-

буется совершения деяния собственно по захвату или удержанию власти, изменения конституционного строя, законодатель вообще не допускает возможности фактического захвата или удержания власти либо изменения конституционного строя.

Вопреки имеющимся утверждениям специальная цель не является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, признание таковым не вытекает из описания уголовно-правового запрета, не согласуется с особенностями конструкции диспозиции нормы уголовного закона.

Своевременность сообщения, о которой говорится в примечании к ст. 275 УК РФ, необходимо спрягать с такой стадией, как приготовление к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В этом случае объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться вред, но дальнейшее развитие разрушающего воздействия на него еще можно приостановить, предотвратить. В рамках же приговорительных действий «своевременность» принципиального значения не имеет.

Литература

1. Грачева Ю.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : учебное пособие / Ю.В. Грачева, В.В. Палий ; ответственный редактор Д.М. Молчанов. Москва : Проспект, 2014. 97 с.
2. Полный курс уголовного права. В 5 томах. Т. 5. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / А.И. Бойцов [и др.] ; под редакцией А.И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 949 с.
3. Рарог А.И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой / А.И. Рарог // Уголовное право. 2014. № 5. С. 85–86.
4. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов : для студентов высших учебных заведений / под редакцией В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. Москва : Контракт, 2015. 923 с.
5. Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве : диссертация кандидата юридических наук / Е.П. Сергун. Тамбов, 2009. 235 с.
6. Уголовное право России. Особенная часть : учебное пособие для студентов вузов / под редакцией Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. Москва : Статут, 2012. 941 с.
7. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : диссертация доктора юридических наук / А.Г. Хлебушкин. Санкт-Петербург, 2016. 480 с.
8. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений / Р.Д. Шарапов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112–124.

Решение о конституционности нормативных положений в истолковании судебного органа конституционного контроля: проблемы исполнения

Хуснутдинов Фархат Гусманович,
 председатель Конституционного суда Республики Татарстан,
 заслуженный юрист Республики Татарстан,
 кандидат юридических наук
farhat.husnutdinov@tatar.ru

Акты конституционного правосудия, которые, в соответствии с конституционными принципами и нормами, прежде всего направлены на совершенствование правовой системы, имеют приоритетное значение в обеспечении единства правового пространства и конституционной законности. В связи с этим своевременное и правильное исполнение актов судебного органа конституционного контроля, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, является важной задачей, стоящей перед органами публичной власти, решение которой непосредственно отражается на авторитете судебной власти, доверии граждан к правосудию и к действиям государства.

Ключевые слова: конституционное правосудие, проблемы исполнения судебных решений, оптимизация взаимодействия, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный суд Республики Татарстан.

A Judgment on Constitutionality of Statutory Provisions in the Interpretation of a Judicial Constitutional Control Authority: Enforcement Issues

Khusnutdinov Farkhat G.
 President Judge of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan
 Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
 PhD (Law)

Acts of constitutional justice which pursuant to the constitutional principles and provisions are primarily aimed at the improvement of the legal system prevail in securing unity of the legal environment and constitutional legality. Consequently, timely and correct fulfillment of acts of a judicial constitutional control authority adopted in the course of constitutional proceedings is an important task of public authorities, the solution of which makes a direct impact on the authority of the judiciary, trust of citizens in justice and acts of the government.

Keywords: constitutional justice, court judgment fulfillment issues, optimization of interaction, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Republic of Tatarstan.

Исполнение судебного решения выступает в качестве неотъемлемого элемента судебной защиты, поскольку защита нарушенных прав не может считаться действенной, если судебный акт надлежащим образом не исполняется. При этом акты конституционного правосудия, будучи направленными на совершенствование правовой системы в соответствии с конституционными принципами и нормами, имеют приоритетное значение в обеспечении единства правового пространства и конституционной законности. В связи

с этим своевременное и правильное исполнение актов судебного органа конституционного контроля, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, является важной задачей, стоящей перед органами публичной власти, решение которой непосредственно отражается на авторитете судебной власти, доверии граждан к правосудию и к действиям государства.

Решения судебных органов конституционного контроля в силу их общеобязательности подлежат неукоснительному исполнению правоприменительными

органами. Это касается в том числе индивидуальных правоприменительных последствий, выражающихся в выполнении предписаний о пересмотре дела заявителя, чем обеспечивается восстановление конституционных прав, нарушенных применением неконституционного нормативного положения. Реальность наступления таких индивидуальных правоприменительных последствий зависит от нормативного закрепления гарантий осуществления пересмотра дела заявителя.

В этой связи следует отметить, что Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 г. № 1708-ХП «О Конституционном суде Республики Татарстан» предусматривает два возможных решения по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности закона Республики Татарстан или иного нормативного правового акта: о признании закона Республики Татарстан или иного нормативного правового акта либо отдельных их положений соответствующими Конституции Республики Татарстан и о признании закона Республики Татарстан или иного нормативного правового акта либо отдельных их положений не соответствующими Конституции Республики Татарстан.

В отношении последнего данный закон содержит специальную норму, согласно которой в случае, если Конституционный суд Республики Татарстан признал закон или иной нормативный правовой акт либо отдельные их положения, примененные в конкретном деле, не соответствующими Конституции Республики Татарстан, данное дело во всяком случае подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке. Относительно применения указанного положения Конституционный суд Татарстана обратил внимание на то, что такой пересмотр должен осуществляться независимо от того, имеются или отсутствуют основания для пересмотра, предусмотренные иными, помимо Закона Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан», актами¹.

¹ Определения Конституционного суда Республики Татарстан от 27 декабря 2017 г. № 39-О и № 40-О.

Конституционный Суд Российской Федерации также отмечал, что решение суда общей юрисдикции (арбитражного суда), основанное на нормативном правовом акте, признанном конституционным (уставным) судом субъекта Российской Федерации в пределах его полномочий противоречащим конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, может быть пересмотрено в установленном законом порядке в соответствии с процессуальным законодательством².

Вместе с тем Законом Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан» не урегулирован вопрос, подлежит ли пересмотру дело заявителя в том случае, если оно основано на акте, примененном в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в ходе осуществления конституционного правосудия, но не признанном не соответствующим Конституции. Более того, как уже отмечалось, закон прямо не закрепляет такое решение. Законы, регламентирующие деятельность конституционных (уставных) судов в других субъектах Российской Федерации, также не предусматривают подобные решения, а соответственно, и пересмотр дела заявителя по таким решениям.

Ранее аналогичная ситуация имела место и на федеральном уровне. Федеральным конституционным законом от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ были внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», закрепившие возможность принятия решения о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании, а также пересмотр дела заявителя в случае, если оно основано на нормативном положении в истолковании, расходящемся с истол-

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2012 г. № 1239-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мохаммада Фариды на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

кованием, данным Конституционным Судом Российской Федерации.

Как отметил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, данное нововведение является логичным и последовательным шагом на пути оптимизации взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации с иными звеньями судебной системы России³. Следует учитывать, что соответствующие поправки появились не вдруг, а это, по сути, оформление уже сложившейся многолетней практики конституционного правосудия и сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций об обязательном характере конституционного истолкования норм текущего законодательства без признания их неконституционными⁴.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации ранее уже указывал, что правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и не признан в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве не соответствующим Конституции Российской Федерации, но которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитражный суд придал не соответствующее Конституции Российской Федерации истолкование, то есть расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, впоследствии выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации в установленном законом порядке. Отказывая в таком пересмотре, суды общей юрисдикции и арбитражные суды фактически настаивали бы на истолковании акта, придающем ему другой смысл, нежели выявленный в результате проверки в конституционном судопроизводстве, то есть не соответствующий Конституции Российской Федерации,

и тем самым преодолевали бы решения Конституционного Суда Российской Федерации, чего они в силу ст. 118, 125, 126 и 128 Конституции Российской Федерации делать не вправе⁵; при этом не исключается правомочие федерального законодателя прямо закрепить порядок исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации в связи с конкретными делами лиц, по чьим жалобам они были вынесены, в случае принятия Конституционным Судом Российской Федерации решения, в котором выявляется конституционно-правовой смысл оспариваемых нормативных положений⁶.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации еще в постановлении от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» разъяснял, что при рассмотрении заявлений, представлений о пересмотре судебных постановлений по новым обстоятельствам необходимо учитывать, что постановление Конституционного Суда Российской Федерации может являться новым обстоятельством (п. 3 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) и в случае, если оно содержит иное конституционно-правовое истолкование нормативных положений, примененных в конкретном деле, в связи с принятием судебного акта, по которому заявитель обращался в Конституционный Суд Российской Федерации, и в силу этого влечет пересмотр судебного акта в отношении заявителя (подп. «в» п. 11).

На сегодняшний день случаев принятия судебных решений вопреки выявленному конституционно-правовому смыслу норм, ранее являвшихся предметом рассмотрения Конституционного

³ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в системе судебной власти // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 2. С. 1–2.

⁴ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография. М. : Норма, ИНФРА-М, 2018. 224 с.

⁵ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П и от 21 декабря 2011 г. № 30-П; Определения от 6 февраля 2003 г. № 34-О, от 12 мая 2006 г. № 135-О; и др.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 1435-О-Р.

суда Республики Татарстан, либо отказа судебных органов от пересмотра дел заявителей не имеется. В этой связи у суда не было повода для того, чтобы сформулировать свою правовую позицию по вопросу об исполнении подобных решений. Также следует отметить, что Конституционный суд Республики Татарстан в своей практике лишь однажды указывал в резолютивной части постановления на необходимость пересмотра правоприменительных решений, принятых по делу заявителя и основанных на нормативных положениях в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным судом Республики Татарстан в данном постановлении⁷.

Вместе с тем к такому способу устранения неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемого нормативного положения, как выявление его конституционно-правового смысла, Конституционный суд Татарстана прибегает достаточно часто, поскольку он позволяет находить необходимый и разумный баланс между желательной стабильностью правового регулирования и надлежащим правоприменением. Например, в 2019 г. в двух постановлениях нормативные положения были признаны соответствующими Конституции Республики Татарстан в данном судом истолкованием⁸. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин также отмечает, что «в последнее время у Конституционного Суда Российской Федерации больше решений, связанных с конституционным истолкованием, чем прямое признание

неконституционности»⁹. Тем самым как в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, так и в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации решения о признании оспариваемого нормативного положения соответствующим основному закону в истолковании, данным судом, занимают существенное место. Следовательно, целесообразность законодательного закрепления таких решений обусловлена практикой осуществления судебного конституционного контроля.

В этой связи следует обратить внимание на пояснительную записку к законопроекту, внесенному Президентом Российской Федерации, оформившемуся в результате в вышеназванный Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”». В ней указано, что предлагаемые изменения направлены на обеспечение обязательного учета правоприменительными органами позиций Конституционного Суда Российской Федерации, что в рамках действующей правовой системы является необходимым элементом поддержания режима законности и правопорядка¹⁰. Полагаем, что закрепление такого вида постановлений в законах, регулирующих деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, безусловно, способствовало бы поддержанию режима законности и правопорядка на региональном уровне.

⁷ Постановление Конституционного суда Республики Татарстан от 28 февраля 2018 г. № 78-П.

⁸ Постановления Конституционного суда Республики Татарстан от 16 апреля 2019 г. № 82 и от 5 июля 2019 г. № 84-П.

⁹ Встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным. 12 декабря 2018 г. Москва, Кремль.

¹⁰ URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>

Литература

1. Бондарь Н.С. Правосудие: ориентация на Конституцию : монография / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян. Москва : Норма, ИНФРА-М, 2018. 224 с.
2. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в системе судебной власти / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 2. С. 1–2.

Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве

Авдеева Екатерина Вадимовна,

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел
Российской Федерации (ВСИ МВД России),
кандидат юридических наук
E_V_Avdeeva@bk.ru

В статье рассматривается принцип уважения чести и достоинства личности как один из конституционных принципов, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Проанализированы нормы Конституции РФ, разъяснения Конституционного Суда РФ, регламентирующие реализацию данного принципа на внутригосударственном уровне. Изучены доктринальные разработки дефиниций, этимологическое содержание чести и достоинства личности. В статье рассмотрены формы обеспечения принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве нормами международного права, органами международной и межгосударственной защиты прав человека, в частности обеспечения защиты прав человека Европейским судом по правам человека.

Ключевые слова: честь, достоинство личности, принципы уголовного судопроизводства, физическое и психическое насилие, истязания.

Respect for the Person's Honor and Dignity in Criminal Proceedings

Avdeeva Ekaterina V.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law)

The article considers the principle of respect for the honor and dignity of the individual as one of the constitutional principles enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The norms of the Constitution of the Russian Federation, clarifications of the Constitutional Court of the Russian Federation, regulating the implementation of this principle at the domestic level, are analyzed. The doctrinal elaborations of definitions, the etymological content of the honor and dignity of the individual are studied. The article discusses forms of ensuring the principle of respect for the honor and dignity of a person in criminal proceedings by international law, bodies of international and interstate protection of human rights, in particular, the protection of human rights by the European Court of Human Rights.

Keywords: honor, dignity, principles of criminal proceedings, physical and mental violence, torture.

Основываясь на нормах и принципах международного права и Конституции РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) в ст. 9 «Уважение чести и достоинства личности» устанавливает следующие положения уголовно-процессуального регулирования правового статуса личности.

Исходя из положений ст. 9 УПК РФ конституционное право человека на охрану достоинства подлежит обязательному обеспечению в уголовном процессе. Человек, попадая в область уголовной юстиции, признается равноправным участником уголовно-процессуальных отношений. При этом субъективные права всех участников уголовного судопроизводства приобретают правозащитный характер.

В результате каждый из участников уголовного судопроизводства обеспечивается комплексом гарантий, содействующих надлежащему уровню защищенности и безопасности личности. Руководствуясь нормами УПК РФ, личность имеет в отношении иных участников уголовного судопроизводства, в частности должностных лиц, осуществляющих производство по делу, право требовать соблюдения и исполнения ими гарантированных законом норм, касающихся уважения достоинства, в том числе путем реализации права на обжалование незаконных действий и решений.

Рассматривая особенности реализации положений ст. 9 УПК РФ, необходимо подчеркнуть прежде всего право участника уголовного судопроизводства на уважение чести и достоинства.

Понятие достоинства личности носит нравственно-категориальный характер. Категория «достоинство» тесно взаимосвязана с понятием «честь». Рассматривая соотношение данных понятий, стоит отметить, что, используя понятие «честь», правоприменитель должен исходить из статуса личности, базирующегося на уважении моральных качеств каждого человека со стороны общества. Что касается понятия «достоинство» личности, то оно предусматривает уважение моральных качеств, присущих человеку, непосредственно им самим.

Следовательно, честь и достоинство как правовые категории соотносятся между собой как объективная оценка личности обществом и внутренняя (субъективная) самооценка человека.

Формы обеспечения принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве промульгируются нормами международного права, разъясняются органами международной и межгосударственной защиты прав человека, Конституцией РФ и регламентированы отдельными нормами УПК РФ.

Принцип уважения чести и достоинства личности, закрепленный ст. 9 УПК РФ, находит отражение в целом ряде норм уголовно-процессуального права (ст. 11, 47, 50, ч. 4 ст. 164, ст. 181, ч. 3. ст. 184, ч. 2 ст. 202, п. 2, 3 ч. 2, 4 ст. 241 и т.д.).

Согласно п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемому должно быть разъяснено право на защиту. В порядке ч. 2 ст. 50 УПК РФ должностное лицо в целях реализации данного права должно принять соответствующие меры по его обеспечению.

В части 3 ст. 184 УПК РФ, регламентирующей порядок проведения личного обыска, отражены особенности гарантирования уважения чести и достоинства личности, устанавливающие, что личный обыск лица производится только лицом, при этом одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

На основании ст. 202 УПК РФ не допускается применение методов, унижающих честь и достоинство, при получении образцов для сравнительного исследования.

Принцип уважения чести и достоинства личности предусматривается ч. 7 ст. 182 УПК РФ, предписывающей, что

следователь обязан принять меры, обеспечивающие недопустимость разглашения обстоятельств частной жизни (личной и семейной тайны) лица, выявленных в ходе проведения в помещении обыска.

Пункт 2, 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, указывая на реализацию принципа уважения чести и достоинства личности, предусматривает порядок проведения закрытого судебного разбирательства, если участниками уголовного судопроизводства являются лица, не достигшие возраста шестнадцати лет, а также когда рассмотрение уголовного дела, в частности, о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности и т.д. может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство.

Согласно ч. 1 ст. 9 УПК РФ и п. 6 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий, направленных на унижение чести и человеческого достоинства путем использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка.

Также недопустимым является текст поданной в соответствии со ст. 125 УПК РФ жалобы, если в нем содержатся оскорбительные и жаргонные выражения в отношении должностных лиц правоохранительной системы.

Важную роль в обеспечении уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве играет недопустимость в отношении участника уголовного судопроизводства насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.

Так, часть 4 ст. 164 УПК РФ закрепляет недопустимость применения при производстве следственных действий насилия, угроз или иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц.

Для того чтобы рассмотреть специфику реализации данной нормы, необходимо обратиться к понятию «насилие». Стоит иметь в виду, что насилие подразумевает две формы воздействия: 1) физическое насилие (угроза применения физического насилия); 2) психическое насилие.

Следующий аспект обеспечения уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве предусматривает недопустимость пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения.

В юридической литературе широкое освещение получил анализ понятия пытки в уголовном судопроизводстве. В этой связи О.В. Логунов предлагает ввести в ст. 5 УПК РФ дополнительный пункт, согласно которому под пыткой стоит понимать «жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение», т.е. «обращение, направленное на то, чтобы вызвать у жертв чувство страха, боли и неполноценности, на то, чтобы оскорбить, унижить или сломить их физическое и моральное состояние».

В качестве примера обеспечения принципа уважения чести и достоинства в уголовном судопроизводстве можно привести дело «Ирландия против Соединенного Королевства». При рассмотрении жалобы Европейский суд по правам человека признал, что метод «углубленного допроса» свидетелей существенно нарушает ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

В обоснование данного решения были положены следующие аргументы. Метод «углубленного допроса» свидетелей «не вызывал у подвергнутых им лиц реальные телесные повреждения». Вместе с тем свидетели, подвергнутые методу «углубленного допроса», претерпели серьезные физические и душевные страдания. Вызванные применением метода «углубленного допроса» страдания обусловили возникновение чувства страха и неполноценности. Это, в свою очередь, было квалифицировано как причинение действий с целью унижить и опорочить свидетелей, «сломить их физическое и моральное сопротивление».

Вопрос о применении насилия в уголовном судопроизводстве является одним из актуальных в юридической литературе. Реакцией правоохранительных органов является нейтрализация данных форм конфликтного поведения мерами воздействия.

А.И. Козбанов и В.Г. Глебов пишут, что следователь для достижения преследуемой уголовно-процессуальным законом

цели должен использовать психологическое воздействие, направленное на принуждение лица согласиться на участие в следственном действии.

Значимость обеспечения принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве на правоприменительном уровне подтверждается социологическими исследованиями. Примечательно, что в ходе проведенного опроса 36% опрошенных сотрудников правоохранительных органов указали, что нравственные ценности при определении тактики производства следственных или иных процессуальных действий являются основополагающими. 28% респондентов высказали противоположное мнение, а 18% респондентов ответили, что затрудняются с ответом на данный вопрос.

Актуальным в науке уголовного процесса является вопрос о специфике реализации принципа уважения чести и достоинства личности в отношении участника уголовного процесса, страдающего психическим расстройством. В основу научной дискуссии положен вопрос о статусе личности, в частности конкретного человека, страдающего психическим расстройством.

Государство определяет специальный статус участника уголовного процесса, страдающего психическим расстройством, и устанавливает ряд гарантий, в том числе по обеспечению уважения их чести и достоинства.

Часть 1 ст. 437 УПК РФ предписывает, что лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обладает правом реализовывать предусмотренные законом процессуальные права лично в том случае, когда его психическое состояние это позволяет.

По мнению Н.В. Витрука, в отношении лиц, относящихся к данной категории, наиболее проблемным является исполнение обязанностей. Правовой статус лиц, нуждающихся в применении принудительных мер медицинского характера, обеспечивается государством с помощью гарантии уважения их чести и достоинства.

В свою очередь Конституционный Суд Российской Федерации промульгирует, что, несмотря на то что лицо, большое психическим расстройством, не подлежит

уголовной ответственности, ему необходимо обеспечить процессуальные права, равные с правами других лиц, подвергаемых уголовному преследованию (подозреваемых, обвиняемых). Именно поэтому ч. 1 ст. 437 УПК РФ предусматривает право такого лица в силу ст. 46 и 47 УПК РФ лично осуществлять принадлежащие ему процессуальные права. Однако главным условием реализации данного права является правильная оценка его психического состояния, позволяющего непосредственно участвовать в указанном производстве.

В качестве примера актуальности проблемы реализации принципа уважения чести и достоинства личности можно привести решение Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга, в который был подан иск, в котором указывалось на незаконность действий и высказываний прокурора М. в Санкт-Петербургском городском суде, нарушающих требования ст. 21 Конституции РФ и ст. 7, 9 УПК РФ, касающиеся чести и достоинства личности, выразившихся в публичном оскорблении и клевете¹.

На основании материалов уголовного дела было установлено, что прокурору М. в ходе судебного заседания обвиняемым был заявлен отвод. Прокурор при обсуждении заявленного ходатайства об отводе допустил высказывание следующего содержания: «Я считаю, что оснований для моего отвода не имеется, заявленное обвиняемым не соответствует действительности, а сам он невменяемый».

При рассмотрении жалобы прокурор пояснил суду, что позволил себе усомнить-

ся во вменяемости обвиняемого, исходя из поведения последнего. Тем самым у прокурора не было намерения оскорбить обвиняемого.

Заключение комиссии судебно-психиатрических экспертов установило, что обвиняемый не страдает и не страдал в период инкриминируемых ему деяний хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики. В то же время обвиняемый проявляет признаки эмоционально-неустойчивого расстройства личности (пограничного типа) и синдрома зависимости от алкоголя средней стадии.

Суд, основываясь на том, что состояние невменяемости является юридическим понятием, постановил, что высказывание участником уголовного судопроизводства в ходе судебного заседания мнения о невменяемости обвиняемого является выражением личного мнения участника уголовного судопроизводства, основанного на наблюдении за поведением данного лица, направлено на реализацию права участника уголовного судопроизводства на выражение своей позиции относительно заявленного в ходе судебного заседания ходатайства и не носит оскорбительного характера.

Таким образом, реализация общеправового принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве характеризуется на современном этапе особой значимостью и особенностями правоприменения. В ходе правовой оценки реализации данного принципа необходимо учитывать, что правами, вытекающими из принципа уважения чести и достоинства личности, предусмотренного ст. 9 УПК РФ, наделены все участники уголовного судопроизводства.

¹ Решение от 25 июня 2018 г. по делу № 2-528/2018. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.12.2019).

Литература

1. Васильев О.Л. Система принципов отечественного уголовного судопроизводства / О.Л. Васильев // Законодательство. 2017. № 10. С. 68–76.
2. Гупалова Е.Ю. Уважение чести и достоинства личности как нравственный императив в уголовно-процессуальном праве / Е.Ю. Гупалова // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : материалы VI Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (г. Елец, 25 мая 2018 г.). Елец : Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина 2018. С. 113–117.

Судебная реформа и формирование правовой государственности в Российской Федерации

Напалкова Ирина Георгиевна,

заведующая кафедрой теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), почетный работник высшего профессионального образования, доктор юридических наук, профессор
napalkova-ig@mail.ru

Федоренко Наталия Владимировна,

заведующая кафедрой гражданского процесса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор социологических наук, профессор
gr_process38@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы развития российской демократической государственности в контексте ее обусловленности процессами реформирования судебной системы. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, определяющие направления судебной реформы, связанные с конституционализацией судебной власти, характеризуется роль судебной системы в формировании и развитии гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, судебная реформа, конституционализация судебной власти, разделение властей, правосудие, единообразие правоприменения.

Judicial Reform and Forming of Legal Statehood in the Russian Federation

Напалкова Ирина Г.

Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Honored Worker of Higher Professional Education
LL.D., Professor

Fedorenko Natalia V.

Head of the Department of Civil Procedure of the Rostov State University of Economic (RSUE)
Doctor of Sociology, Professor

The article deals with the problems of development of the Russian democratic state in the context of its conditionality with the processes of reforming the judicial system. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation that determine the directions of judicial reform related to the constitutionalization of the judiciary, and describes the role of the judicial system in the formation and development of civil society and the rule of law.

Keywords: legal state, judicial reform, constitutionalization of the judiciary, separation of powers, justice, uniformity of law enforcement.

Процесс реформирования судебной системы Российской Федерации тесно связан с развитием правовой, демократической государственности. В условиях реформирования российской судебной системы понимание роли, значения и функций судебной власти в механизме государства существенно изменилось, поскольку главной целью функциони-

рования судебной власти провозглашена защита прав и свобод личности.

Анализ сущностных характеристик, смысла, функций судебной власти позволяет выявить ее особую роль в системе государственной власти и определить пути дальнейшего реформирования и совершенствования. Как отмечает В.Д. Зорькин, судебная реформа является сердцевиной

всей правовой реформы¹. Формирование правовой государственности в России в значительной степени зависит от эффективного функционирования судебной системы, от результатов судебной реформы.

Провозглашение России правовым, демократическим государством (ст. 1 Конституции РФ) означает, что организация и функционирование органов государственной власти четко регламентированы нормативно-правовыми установлениями, закрепляющими признание и защиту прав и свобод человека и гражданина. Эти конституционные положения российского государства позволяют установить основные направления конституционализации судебной власти, а также определить роль судебной системы в формировании и развитии российского конституционализма. Конституционализация судебной власти характеризуется ее главной функцией — функцией защиты прав личности, реализуемой в соответствии с конституционным правом граждан на доступ к осуществлению правосудия. Концепция судебной реформы 1991 г. нашла свое воплощение в положениях российской Конституции, закрепившей основные принципы, цели правосудия, обеспечивающие защиту прав и свобод личности, конституционных основ государственного строя.

Российская Конституция закрепила естественно-правовую концепцию прав и свобод, используя отечественный и международный опыт в данной сфере. Их закрепление на конституционном уровне и признание высшей ценностью государства свидетельствует о стремлении России сформировать новую ценностную концепцию, определяющую приоритетное положение личности в обществе.

Конституционализация судебной власти в значительной степени определяется деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации, который, руководствуясь своими целями, задачами, осуществляет в российской правовой системе важнейшие

функции по обеспечению механизма правового регулирования. Деятельность Конституционного Суда РФ, связанная с совершенствованием закона, его толкованием, преодолением пробелов, устранением коллизий, осуществлением нормоконтроля за действующим законодательством, находит свое закрепление в его правовых позициях, положения которых приобретают обязательность в процессе правоприменения.

Судебная власть, наделенная огромными полномочиями, все же, в отличие от законодательной, не имеет поддержки населения и не обладает такими силовыми ресурсами, как исполнительная власть. Но среди органов государственной власти суд занимает особое место, так как играет роль уравнивающей силы, направляющей деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти в правовые рамки.

В современных условиях между исполнительной и судебной властью сложились более жесткие отношения, чем между судебной и законодательной властью, так как судебная власть в правовом государстве активно противостоит тенденции к доминированию исполнительной власти. В соответствии с положениями Конституции РФ и объективно принятыми судебными решениями в российском обществе осуществляется постепенный процесс доминирования принципа верховенства права.

Судебная власть, как и все ветви государственной власти, является независимой, но тесно взаимодействует с законодательной и исполнительной. Все ветви власти функционируют на основе взаимодействия, в своих взаимоотношениях ограничивают друг друга в соответствии с закрепленной в Конституции Российской Федерации системой сдержек и противовесов. Данная система представляет собой единственно возможную форму функционирования государственной власти в правовом государстве, способную упорядочить взаимоотношения ветвей власти и предотвратить сложившиеся противоречия между ними². Воздействие

¹ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. С. 225.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова, Б.С. Крылова [и др.]. М., 1996.

законодательной власти на судебную власть заключается в ее влиянии на деятельность судов путем формирования действующего законодательства. Судебная власть, в свою очередь, обеспечивает осуществление контроля за конституционностью принимаемых законодательной властью законов.

Функционирование современного государства невозможно без единой государственной власти, влияющей на все сферы государственной деятельности. Разделение властей на три относительно самостоятельные ветви — законодательную, исполнительную, судебную — не нарушает принципа единства государственной власти. Данное единство представляет собой относительную автономность составляющих ее элементов, что является базовой основой теории разделения властей³.

Реализация конституционного принципа верховенства закона определяется ролью и местом судебной власти в механизме государства. Независимость судебной власти является необходимым условием ее эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования, она не должна находиться под влиянием других ветвей власти, ее решения должны носить справедливый и объективный характер. Конституционное закрепление способов осуществления судебной власти на основе конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства гарантирует ее независимость и предотвращает возможность полного сосредоточения государственной власти в какой-либо одной ветви власти государства.

Первым документом в российском государстве, определяющим направления реформирования российской судебной системы, явилась концепция, разработанная в 1991 г.⁴ В ней были сформулированы основные проблемы судебной власти, правосудия, рекомендации по реформированию судов,

следствия, прокуратуры и адвокатуры — всех стадий уголовного процесса. Ряд положений концепции нашел свое закрепление в законодательстве. В 1995 году был подписан указ Президента РФ о дальнейшей разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации⁵.

На первом этапе судебной реформы произошло значительное расширение полномочий российских судов. Им были переданы все споры между субъектами права, рассмотрение жалоб и заявлений по поводу неправомерных действий граждан и должностных лиц. В компетенцию судов вошли полномочия прокурора, связанные с дачей санкций на арест, с разрешением следователям входа в жилое помещение и др.

Реализация основных направлений судебной реформы характеризуется принятием 26 июня 1992 г. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»⁶, закрепившего основные положения о независимости судебной ветви власти и неприкосновенности судей. Статья 16 данного закона определила невозможность привлечения судьи к административной и дисциплинарной ответственности. Это означало, что к судьям предъявляются серьезные требования соответствия высокому званию судьи, сохранения своего достоинства в общественных отношениях в целях обеспечения авторитета судебной власти. Признание права судьи на независимость и подчинение только законам явилось значительным шагом на пути к формированию основ правового государства. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. с целью осуществления антикоррупционной политики государства закрепил полномочия судов по назначению административного наказания за те административные правонарушения, которые до этого наказывались решением должностного лица определенного органа власти.

³ См.: Чиркин В. Е. Законодательная власть. М., 2008.

⁴ Концепция судебной реформы 1991 г. была принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. См.: Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁵ Указ Президента РФ от 6 июля 1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2642.

⁶ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 28.12.2016) «О статусе судей в Российской Федерации».

Значительное расширение полномочий судов потребовало реформирования структуры судебной власти и увеличения судейского корпуса. Важнейшим этапом в направлении эффективной реализации прав личности на судебную защиту стало упрощение процедуры судопроизводства. Так, Гражданским процессуальным кодексом 2002 г. был установлен правовой институт судебного приказа, позволяющий судье единолично выносить постановление по ряду вопросов, а также был введен правовой институт заочного судебного решения, дающий право суду принимать решение в отсутствие ответчика, в том случае, когда он своевременно был уведомлен о сроках слушания дела.

В Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»⁷ судебная система рассматривается как механизм государственной защиты, существующий в правовом государстве, как социальный арбитр, обеспечивающий различные сферы деятельности, регламентируемые системой права.

В условиях формирования правового государства судебная реформа предполагает преобразование не только органов судебной власти, но и всех иных органов государственной власти, имеющих отношения со сферой правосудия. Конституционное закрепление принципов независимости и самостоятельности судебной деятельности определяет их значение и уникальность в механизме осуществления государственной власти. Следует отметить, что принципы независимости судов и судей рассматриваются как неразрывно связанные, вытекающие из природы судебной власти.

Особое значение в развитии судебной системы имеет внесение изменений в Конституцию РФ⁸, с исключением ст. 127, в соответствии с которой судеб-

ная система включала в себя суды общей юрисдикции, возглавляемые Верховным Судом РФ, и арбитражные суды, возглавляемые Высшим Арбитражным Судом РФ.

Конституционный Суд РФ, как суд конституционной юстиции и надзора, осуществляющий официальное толкование Конституции РФ, проверку на конституционность законодательных актов, не являлся инстанцией, дублирующей функции других высших судов, которые обязаны учитывать его правовые позиции в процессе правоприменения.

Деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов пересекалась в процессе решения ряда вопросов, и отличие между ними заключалось лишь в субъектном составе. Такая ситуация вызвала к жизни различные подходы к пониманию источников гражданского права. Вступившие в законную силу решения, основанные на различных подходах в разрешении юридических конфликтов судами общей юрисдикции и арбитражными судами, приводили к отрицательным последствиям в деятельности судебной власти и не могли способствовать закреплению и реализации ее основополагающих принципов независимости и самостоятельности. В соответствии с законодательной инициативой Президента РФ, в целях формирования единообразия правоприменения и устранения в нем различий, система арбитражных судов была переподчинена Верховному Суду РФ. В результате внесения изменений в ст. 126 Конституции Российской Федерации за Верховным Судом РФ были закреплены компетенции по разрешению экономических споров.

В статье 71 Конституции РФ в новой редакции было сформулировано положение о судебной деятельности российского государства. В новой редакции уже отсутствует перечень видов процессуального законодательства (уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального). Данные виды институционально были объединены в понятие «процессуальное законодательство», позволяющее формировать в его рамках новые виды процессов. Исключительный, обо-

⁷ Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р // Рос. газета-Бизнес. 2012. 2 октября.

⁸ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

собленный статус конституционного процесса предполагает его самостоятельность, несводимость к процессуальному законодательству. Реформирование судебной системы способствует формированию единообразия в осуществлении правосудия в отношении физических и юридических лиц, позволяет закрепить единые правила осуществления судопроизводства.

Судебная реформа, реализуемая в последние десятилетия в российском государстве, приобретает все более значимый характер, имеет серьезные достижения. Сформированы новые процессуальные кодексы, закреплены международные стандарты правосудия, расширены возможности и гарантии судебной защиты конституционных прав и свобод личности. Судебная реформа на этапе демократического развития российского государства, отвечающая современным запросам российского общества, способствует укреплению доверия граждан к правосудию, к судебной власти. Правовое демократическое государство отвергает деспотические средства воздействия на общество, обеспечивает надежный механизм реализации прав личности. Являясь одновременно и социальным государством, правовое государство ставит перед собой важнейшую цель — создание условий для свободного развития и достойной жизни человека.

Таким образом, сложившиеся в современном российском государстве принципы и правила организации и функционирования органов судебной власти, способствовали формированию судебной системы, предотвращающей возможность государственной власти

выйти за рамки действующего права. Как отмечают А.В. Малько и К.А. Струсь, такая судебная организация способна направлять деятельность субъектов гражданского общества с учетом социально значимых интересов, гарантированных Конституцией РФ и действующим законодательством⁹.

Однако следует отметить, что органы судебной власти, реализуя потребность гражданского общества в осуществлении справедливого правосудия, должны иметь определенные полномочия, обеспечивающие возможность их воздействия на государство. Это воздействие реализуется путем организации конституционного судебного контроля за конституционностью принимаемых и действующих нормативно-правовых актов, путем преодоления коллизий между органами государственной власти, путем единообразного толкования нормативно-правовых актов и другими действенными средствами. Эффективная деятельность системы конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства находится в прямой зависимости от демократических процессов прогрессивного развития общества. Стабильность, устойчивость судебной системы способствуют совершенствованию российского конституционализма, укреплению законности, правопорядка в современном российском государстве.

⁹ Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов всероссийского научно-практического круглого стола) // Государство и право. 2011. № 9.

Литература

1. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В.Д. Зорькин. Москва : Норма, 2007. 400 с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под редакцией Л.А. Окунькова [и др.]. Москва : Бек, 1996. 664 с.
3. Малько А.В. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов всероссийского научно-практического круглого стола) / А.В. Малько, К.А. Струсь // Государство и право. 2011. № 9. С. 112–121.
4. Чиркин В.Е. Законодательная власть / В.Е. Чиркин. Москва : Норма, 2008. 336 с.

Судебная реформа 1864 года о гласности в гражданском судопроизводстве

Иванова Татьяна Владимировна,
аспирант Университета управления ТИСБИ
itv-tisbi@mail.ru

Рассматриваются вопросы гласности в судебной реформе 1864 года. Публичное обсуждение будущих судебных преобразований и построение судебного процесса на гласности, публичности опережающими историю темпами сформировало в Российской империи новое судопроизводство, приближенное к современному уровню западных стран. Исследование материалов судебной реформы показало, что Устав гражданского судопроизводства 1864 года, Учреждение судебных установлений 1864 года содержат новые подходы в построении судопроизводства, принципы гражданского процесса, среди которых принцип гласности гражданского процесса приобрел широкое содержание в нормах и стал основой дальнейших преобразований. Духом уважения к суду и тяжущимся пронизан новый порядок гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: судебная реформа, гласность, основные начала, судебные уставы.

The Judicial Publicity Reform of 1864 in Civil Proceedings

Ivanova Tatyana V.
Postgraduate Student of the University of Management TISBI

The work considers the issues of publicity in the judicial reform of 1864. A public discussion of future judicial reformations and an arrangement of judicial process on the basis of publicity, transparency outpacing history, established a completely new court system and order of legal proceedings in the Russian Empire close to the modern level of Western countries. The study of materials concerning the judicial reform proved that the statute of civil procedure, as well as organization of judicial institutions in 1864 includes new approaches to the formation of legal proceedings, where the publicity approach turned out to be the basis for further transformations. The verbal form of the court were introduced, illiterate people got an equal opportunity to become participants and public in a lawsuit. The new order of civil proceedings was permeated with the spirit of respect to the court and litigants.

Keywords: judicial reform, publicity, basic principles, judicial statutes.

«Судебная реформа 1864 г. произвела революционные преобразования не только в области судостроения и судопроизводства, но и в общественных устроениях и политической практике, повлияла на общую траекторию исторического развития России»¹.

Судебная реформа 1864 г. положила начало новому порядку судопроизводства, основанному на гласном, открытом, словесном, состязательном процессе. Велика роль гласности и публичности в тех преобразованиях. Сама процедура проведения подготовки судебной реформы составляла гласный характер в

масштабах, невиданных до сей поры, это был «результат многостороннего обсуждения»². «446 разных замечаний со всех концов России», «все поступившие замечания отпечатаны были и оставили 6 больших томов»³. Но реформа, которая затрагивала интересы 22 млн крестьян, высвобожденных от крепостного права, происходила без участия крестьян, но с намерением приблизить суд к потребностям народа. Мнение народа воплощалось устами интеллигенции

¹ Валева Д.Х. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства; Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства и др. М.: Статут, 2018. С. 8.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1: Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года «Об охранительном судопроизводстве» // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 71. СПб., 1866. С. 15.

³ Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. М., 1891. XVI, 364. С. 72.

того времени. «Обнародование программы судебной реформы подтвердило политику гласности в государственных преобразованиях, и означало, что правительство брало на себя обязательство подготовки судебной реформы, исходя из прогрессивных принципов»⁴.

20 ноября 1864 г. утверждены Его Императорским Величеством Александром: Учреждение судебных установлений (УСУ), Устав уголовного судопроизводства (УУС), Устав гражданского судопроизводства (УГС), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Принципы права, являющиеся стержнем судебного процесса сегодня, воплощая основные идеи в праве, есть логическое продолжение положенных основных начал преобразования судебного процесса 1864 г. «Начала» — наиболее употребляемое в то время слово для обозначения основы, принципов построения судопроизводства, самым лучшим образом отражало общественный порыв реформировании судопроизводства. Была поставлена высокая цель — «надобно устранить причины зла, то есть беспорядков, в самом их корне, а для сего необходимо принять, другую, совершенно отличную от настоящего систему, основанную на тех общих, непреложных началах, без коих не может быть правильного судопроизводства гражданского в строгом смысле сего слова»⁵.

Необходимость перемен в судопроизводстве назрела в обществе давно. «...Судопроизводство, и в особенности гражданское, далеко не соответствует требованиям правосудия»⁶, — как говорится в общей объяснительной записке к проекту нового судебного устава, — «...уничтожение крепостного состояния

провело столь резкую черту между прежним и новым порядком вещей...»⁷

В проекте 1857 г. нового Устава судопроизводства гражданского предложено, что при открытых дверях в суде «торжественное объявление судебного решения» «непосредственно после постановления онаго и записи в книгу и при подписании присутствующими»⁸ с целью оградить судебные резолюции от противозаконных изменений, для «предотвращения всякой шаткости ввиду перемены данных уже судьями мнений», уразумления тяжущимися решения, устранить повод к жалобам⁸.

«Существенные условия», «непреложные начала», «основные положения», «главные начала» — так обозначался фундамент, основание, на котором должен быть построен новый процесс: «следует признать главным началом гражданского судопроизводства те *существенные условия тяжбного порядка, которые господствуют во всем процессе и составляют основание его системы*»⁹.

Таким образом, в ходе обсуждения будущих преобразований происходит зарождение понятия принципов судопроизводства, принципов гражданского процесса. Зарождение принципов судопроизводства — это начало системы судопроизводства, начало науки судопроизводства.

Главные начала, от которых зависит сама система судопроизводства, как указано в объяснительной записке, представляют собой отделение власти судебной от исполнительной, введение в гражданские дела состязательного

⁴ Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 73.

⁵ Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства гражданского // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 2 : Разделы 1–9. 1857–1866. С. 9.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного совета о преобразовании судебной части в России // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 19. 1857–1866. С. 24.

⁸ Проект нового Устава судопроизводства гражданского // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. 1857–1866. Разделы 1–9. Т. 1. С. 408.

⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1: Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года «Об охранительном судопроизводстве» // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 71. СПб., 1866. С. 26.

процесса, гласность судопроизводства, введение в гражданские дела словесной системы, решение гражданских дел по существу только в двух инстанциях, рассмотрение кассационным порядком окончательных решений судебных мест в случаях явного нарушения или неправильного нарушения закона.

Особенное внимание при разработке проекта устава уделяется зарубежному опыту, вводятся новые подходы в разработке законодательства, прежде всего устанавливаются главные начала судопроизводства, затем на основании начал формируются законодательства в соответствии с обстоятельствами времени и потребностями времени.

Введением принципа гласности, открытости судопроизводства ставилась задача создать доступный суд всему обществу, и даже неграмотный человек, не знающий законы, мог уяснить словесный суд в открытом судебном заседании и выступить участником процесса. Словесная просьба служила заявлением в суд (ст. 52 УГС). Регулятором общественных отношений служил обычай, а не закон. «Знают ли наши читатели, что миллионов сорок России народа существуют вне положительного закона?¹⁰ — пишет И.С. Аксаков, известный публицист и общественный деятель. — Почти все наши крестьяне живут под законом общинного быта, вполне ведомым народу и вполне неведомым нашему образованному обществу»¹¹.

В проекте судебной реформы содержатся те начала, которые «могут служить врачеванием против зла», «проводником для деятельности народного самосознания», и среди них: «публичность и гласность суда и свобода (к сожалению, несколько ограниченная) обсуждения судебных решений».

Идея гласного суда и для того времени не нова, но в 1864 г. получила ре-

альное воплощение в законодательстве о судопроизводстве. Еще в 1822 г. Николай Иванович Тургенев, статс-секретарь Государственного совета, в своей записке пишет: «В порядке нашего судопроизводства гласность может быть в тройном отношении: 1. Гласность в отношении к тяжущимся и к подсудимым. 2. Гласность, состоящая в обнародовании, посредством печати производства и решения дела. 3. Гласность в собственном смысле — то есть производство при растворенных дверях»¹². И то, что было высказано в 1822 г., современно и сейчас, спустя 200 лет!

Научный подход в вопросах гласности судопроизводства существовал в России, но не получал нужного развития ввиду исторических событий, научный след обнаруживается в отдельных публикациях, переписках интеллигенции того времени. И вот, наконец, в свет вышел документ, воплотивший лучшие идеи современности, чаяния интеллигенции.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. открывается общими положениями судебного процесса, среди которых статья, посвященная гласности: «При всех действиях судебных установлений по производству гражданских дел, за исключением случаев, положительно в законе указанных, допускается присутствие тяжущихся и посторонних лиц и представление тяжущимися словесных объяснений»¹³. Как указано в рассуждениях, правило, при котором тяжущиеся могут лично присутствовать в суде, создает возможность присутствовать в суде и посторонним и окончательно искореняет канцелярскую тайну, и служит полезным условием как ограничение и пристрастия, и произвола судьи, побуждение судьи к окончательному изучению тяжбы, подлежащей ее разрешению, возможность посторонним лицам изучать ход дела и впоследствии быть полезным правительству. «Быть полезным прави-

¹⁰ Общественные вопросы по церковным делам; Свобода слова; Судебный вопрос; Общественное воспитание: 1860—1886 : статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» // Сочинения И.С. Аксакова. 2-е изд. СПб., 1891—1903. Т. 4. С. 436.

¹¹ Там же. С. 442.

¹² Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1903. С. 324.

¹³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 70. 1857—1866. С. 257.

тельству» — это новый взгляд на общество, новый порядок взаимоотношений государства и гражданина. В статье 414 (УСУ) ставится обязанность в свободное от занятий время кандидатам на должности по судебному ведомству посещать заседания судебных мест. Воплощение идеи контроля общества за действиями суда составляло основу в достижении истины в новом состязательном процессе.

Оглядываясь назад, можно сказать, что канцелярская тайна — это не только порождение следственного процесса, но и неграмотность; незнание законов также препятствовало тяжущимся вести дела в суде, готовить документы для суда, выступать в суде с речью, выражать убеждения относительно истины. Но и следственный процесс стал невозможен. Следственный процесс налагает на судью «множество обязанностей, которые он не в силах исполнить...»¹⁴. Прежняя государственная система, «стесняя добросовестного судью», не могла обеспечить современный суд, который уже не соответствовал уровню западных стран.

Идея гласного, открытого, публичного суда вводилась как необходимое условие повышения доверия к суду.

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. указано, что разбирательство дел у мирового судьи и в мировых съездах происходит публично и на словах (ст. 68, 173 УГС). Предусмотрено негласное заседание, если стороны просят об этом и мировой судья признает причину уважительной. Решение мирового судьи объявляется тяжущимся при всех присутствующих и в том же заседании.

В Учреждении судебных установлений 1864 г. устанавливается, что публичное разбирательство дел производится во всех судебных местах: «Признавая основным началом судопроизводства гласность его, невозможно изъять из

действия сего общего начала никакого судебного места, как бы высоко оно поставлено ни было, тем более что публичность заседания не только не может унижить достоинство или уменьшить значение судебного места, но непременно еще более возвысит его в общественном мнении».

В окружном суде доклад дела председателствующим, словесное состязание тяжущихся происходит в открытом судебном заседании (ст. 324 УГС), резолюция по делу провозглашается в открытом судебном заседании, даже если словесное заседание было при закрытых дверях (ст. 700 УГС); в окружном суде суд словесный (ст. 312 УГС), материалы дела, хранящиеся в канцелярии, разрешено обозревать тяжущимся (ст. 271 УГС), вызов в суд трехкратно публикуется в сенатских ведомостях (ст. 295 УГС). В публичном заседании кассационного департамента Правительствующего сената заслушивается и доклад дела (ст. 803 УГС). Кроме того, все определения сената публикуются для всеобщего сведения, «для руководства к единообразному истолкованию и применению законов» (ст. 815 УГС).

Заложены в уставах и некоторые исключения в публичности судебного заседания. В закрытом судебном заседании рассматриваются дела, если публичность предосудительна для религии, общественного порядка, нравственности (ст. 325 УГС) или же когда обе стороны просят об этом и суд признает их просьбу, заслуживающую уважения.

Идея гласного, публичного суда обширно содержится в нормах Устава гражданского судопроизводства, в том числе и для регулирования отношений при исполнении судебных решений. Взыскатель может присутствовать при действиях судебного пристава при исполнении судебного решения (ст. 946 УГС). Арест движимого имущества, опись имущества производится в присутствии взыскателя, должника и приглашенных ими свидетелей.

Таким образом, гласный, публичный характер присущ и исполнению

¹⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1: Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года «Об охранительном судопроизводстве» // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 71. СПб., 1866. С. 82–83.

решений суда: в исполнении решений мог участвовать как взыскатель, так и должник, приглашенные свидетели, публика. Процесс исполнения судебного решения происходил при постоянном возобновлении отношений взыскателя и должника, при этом устав обязывал их согласовывать свои действия.

В отношении правил поведения тяжущихся и публики имеются ограничения, связанные с порядком в судебных местах, все обязаны в судебных местах соблюдать правила благопристойности, порядок и тишину, беспрекословно подчиняться в этом отношении судье, при нарушении порядка в судебных местах нарушители удаляются, выводится и даже задержание под стражей.

Решения о делах, производившихся в публичном судебном заседании судебных мест, дозволялось печатать для всеобщего сведения, на основании особых о том постановлений, разрешались и обсуждения решений «с сохранением должного уважения к суду».

Идеей должного уважения к суду пронизана вся судебная реформа 1864 г., большое желание изменить судопроизводство исходило от передового

общества, упорный труд многих государственных деятелей увенчался созданием современных уставов, основанных на новых передовых идеях, которые в России еще долго будут впитываться и оцениваться обществом. Судебный процесс по новому Уставу гражданского судопроизводства строился на новом подходе с использованием основных «начал», идей, которые и сегодня являются руководящими в построении судебного процесса.

Не называя таковыми «главные начала», «существенные условия тяжбного процесса», все же эти принципы права, которым дано вполне конкретное понятие при обсуждении проектов устава, «должны быть существенные», «господствуют во всем процессе», «составляют основание его системы», служат «проводником для деятельности народного самосознания». Из всех принципов руководящая роль в преобразовании судебной системы и гражданского судопроизводства, как основному регулятору общественных отношений, отведена гласности и публичности процесса, благодаря которым основные начала стали основой и современного гражданского процесса.

Литература

1. Аксаков И.С. Общественные вопросы по церковным делам ; Свобода слова ; Судебный вопрос ; Общественное воспитание : 1860–1886 : статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» // Сочинения И.С. Аксакова. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1891–1903. Т. 4. 617 с.
2. Архив графов Мордвиновых. Тома 1–10. Т. 6 / предисловие и примечание В.А. Бильбасова. Санкт-Петербург : Тип. Н.И. Скороходова, 1902. 700 с.
3. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда) : историко-юридические этюды / Г.А. Джаншиев. Москва : Тип. М.П. Щепкина, 1891. 52 с.
4. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России / М.Г. Коротких // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 41–106.
5. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции) : Устав гражданского судопроизводства ; Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского, Волостной судебный устав Прибалтийских губерний / ответственный редактор и составитель Д.Х. Валеев. Москва : Статут, 2018. 512 с.

Оценка перспектив совершенствования нормы об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ)

Лопатина Татьяна Михайловна,
заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Смоленского государственного университета (СмолГУ),
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского юридического института,
доктор юридических наук
Lopatina1501@mail.ru

В связи с тем что существующие гражданско-правовые и административно-правовые средства остаются недостаточными, осуществлена оценка перспектив совершенствования нормы об уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр. Выделены проблемы, требующие законодательного уточнения диспозиции статьи 171.2 Уголовного кодекса РФ в части дефиниции «азартная игра»; выделения признаков азартной игры; ответственности за использование возможностей информационных технологий в организации и проведении азартных игр; соотнесения азартной игры с иными видами игровой деятельности.

Ключевые слова: незаконные организация и проведение азартных игр, виды азартных игр, неточности в понятийном аппарате закона об игровой деятельности, профилактика незаконной игровой деятельности.

An Evaluation of Prospects for Improvement of the Provision on Liability for Illegal Organization and Carrying out Gambling (Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Lopatina Tatyana M.
Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Smolensk State University (SmolGU)
Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the Moscow Law Institute
LL.D.

Due to the fact that the existing civil and administrative legal means remain insufficient, an assessment of the prospects for improving the rules on criminal liability for illegal organization and conduct of gambling was carried out. The problems that require legislative clarification of the disposition of article 171.2 of the criminal code of the Russian Federation in terms of the definition of 'gambling'; identification of signs of gambling; responsibility for the use of information technology in the organization and conduct of gambling; correlation of gambling with other types of gaming activities.

Keywords: illegal organization and conduct of gambling, types of gambling, inaccuracies in the conceptual apparatus of the law on gambling, prevention of illegal gambling.

Азартные игры сопровождают человечество с древнейших времен. С этого же времени существуют различные подходы к регулированию этой деятельности, которые условно можно подразделить на следующие: полный запрет, установление определенного порядка, отстранение государства от контроля игровой деятельности.

Товарно-денежные отношения и общество потребления формируют готовность человека к риску, а азартные игры мотивируют желание разбогатеть быстро. Существуют те, кто готов профессионально организовывать и проводить

азартные игры, с одной стороны, и те, кто готов рискнуть ради выигрыша, — с другой. С психологической точки зрения увлеченность азартными играми — это зависимость в виде патологического влечения к игре, вытесняющая социальные, профессиональные, материальные и семейные ценности.

Государство пытается регулировать игорную деятельность посредством установления определенного порядка ее осуществления. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных

игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» представляет собой одну из первых попыток регулирования такой деятельности. В законе сформулированы две регуляторные позиции: законодательно разрешенная форма досуга граждан и самостоятельный вид услуги в гражданско-правовой сфере. При этом сфера уголовно-правового регулирования не была затронута, что стимулировало распространение нелегальных форм ведения игровой предпринимательской деятельности.

В 2000-х годах игровой бизнес пережил бум своего распространения в России. «К 2006 году в России не осталось практически ни одного крупного населенного пункта, где такое заведение не было бы открыто»¹. Возникли проблемы, связанные с ответственностью за нарушение установленного порядка ведения игровой деятельности. Это послужило основанием для введения Федеральным законом от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр (ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ; далее — УК РФ), что, в свою очередь, расширило возможности правоохранительных органов по борьбе с нелегальным игорным бизнесом. Через два года после принятия указанного закона «на территории Российской Федерации было выявлено 12 281 административное правонарушение, возбуждено 98 уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ, прекращена деятельность 13 660 игорных заведений, в том числе 376 казино»².

В настоящее время игровой бизнес существует в двух основных формах: казино и букмекерские конторы или тотализаторы, правовые основы государственного регулирования деятельности которых определены. Предусмотрены ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты прав и законных интересов граждан.

Налоговый кодекс РФ определяет игровой бизнес как «предпринимательскую деятельность по организации и

проведению азартных игр, связанную с извлечением организациями доходов в виде выигрыша и (или) платы за проведение азартных игр»³.

Классический игровой бизнес разрешен в специальных зонах: «Золотой берег» (г. Ялта), «Сибирская монета» (280 км от г. Барнаула), «Красная поляна» (г. Сочи), «Приморье» (50 км от г. Владивостока), «Янтарная» (35 км от г. Калининграда). Однако противодействие исполнению закона об игровой деятельности присутствует повсеместно. Продолжают существовать «подпольные» казино, букмекерские конторы и тотализаторы, широко используются возможности интернет-клубов. При этом гражданско-правовые и административно-правовые средства остаются недостаточными.

В этой связи норма об уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) сохраняет свою актуальность и требует оценки перспектив совершенствования.

Первой проблемой является проблема определения азартной игры и выделения ее основных признаков как объекта уголовно-правовой ответственности. В Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ азартная игра определяется как «основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры»⁴.

Риск в азартной игре — это угроза утраты внесенной ставки. Игрок, вступая в азартную игру и преследуя цель выигрыша, осознает как возможность наступления неблагоприятных последствий в виде финансовых потерь, а именно внесенной ставки, так и вероятность такого выигрыша. Результат игры не зависит от его

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 19.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁴ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 7.

¹ Проблемы правового регулирования игорного бизнеса в России. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-19/IV/Medvedev.pdf> (дата обращения: 27.12.2019).

² Контроль за игровой деятельностью. URL: <https://73.xn--b1aew.xn--p1ai/document/6602149> (дата обращения: 25.12.2019).

воли. Риск в такой игре не равнозначен понятию риска в гражданском праве, где это непредполагаемые, как в игре, а непредвиденные последствия. В связи с чем полагаем, что категория риска не может являться основополагающим признаком азартной игры.

Азартная игра основана на случае. Ни математический расчет, ни ловкость или приметы не могут привести к положительному результату, поскольку участник играет на авось. Нам представляется, что сущностью азартной игры является наличие соглашения, которое обеспечивает возможность участия в игре и получения выигрыша. Это соглашение о выигрыше-проигрыше, заключенное между двумя сторонами: игроком и организатором игры. В основе такого соглашения лежит корыстная цель — цель обогащения. Даже в случаях с игровыми автоматами такое соглашение о выигрыше присутствует, поскольку имеет место публичная оферта. Поэтому не риск, а цель обогащения является признаком азартной игры, которая присутствует у обеих сторон: участвующего в игре и игру организующего.

Соглашение предусматривает соблюдение правил, установленных организатором. Но это не правила самой игры, без которых невозможно играть. Это основные условия заключаемого с организатором игры соглашения на ее проведение: условия выплаты выигрыша, размер денежных взносов как условие участия в игре.

Следовательно, законодатель определяет понятие азартной игры в широком смысле слова, приравнивая ее к соглашению, следствием которого выступает игра.

В статье 171.2 УК РФ азартная игра понимается в узком смысле слова, и уголовная ответственность наступает лишь за нарушение установленного порядка ее организации и (или) проведения. Наличие заключенного соглашения на организацию и проведение азартной игры недостаточно для привлечения лица к уголовной ответственности. Необходимы либо действия по организации, либо само проведение такой игры на основе соглашения с целью получения выигрыша. Допустимое в гражданском законодательстве признание азартной игры соглашением также недостаточно для уголовного права. Имеет место противоречие с понятием,

используемым в уголовном законодательстве. Для признания игры азартной в целях уголовной ответственности должно наличествовать реализуемое соглашение на проведение игры с извлечением дохода в крупном (особо крупном) размере.

Второй проблемой является проблема определения объекта уголовно-правовой охраны. Система объектов незаконных организации и проведения азартных игр включает в себя: родовый объект — общественные отношения в сфере экономической деятельности, видовой объект — установленный законом порядок осуществления отдельных видов экономической деятельности, непосредственный объект — порядок осуществления игровой предпринимательской деятельности. Если предпринять попытку выделения непосредственных объектов посягательства по признакам объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, то применительно к организации и (или) проведению азартных игр без разрешения на осуществление такой деятельности — это порядок осуществления предпринимательской деятельности в сфере организации и проведения азартных игр; для остальных форм преступных действий — это общественная нравственность. В качестве факультативного объекта преступления выступает здоровье игрока в случае лудомании, которая проявляется в зависимости от игры. Патологическое влечение лудомана к азартной игре в соответствии с международной классификацией болезней МКБ-10 относится к психическим расстройствам. Причем если «среди наркоманов добиться успеха в реабилитации удается у 20–30% больных, то среди игроков — только у 1–2% пациентов»⁵.

Поэтому можно утверждать и об ущербе нравственности при совершении преступлений, связанных с организацией и проведением азартных игр. Опасность азартных игр складывается из опасности для здоровья; опасности для общественной нравственности; опасности роста иных преступлений, для которых

⁵ Панов С.Л. Социально-правовые, нравственно-психологические и медицинские аспекты предпринимательской деятельности, связанной с функционированием залов игровых автоматов // Право и политика. 2006. № 10. С. 132.

игорный бизнес является благоприятной криминогенной средой. В связи с этим в специальной литературе начинает формулироваться идея о введении новой уголовно-правовой нормы, связанной с ответственностью за вовлечение в азартные игры несовершеннолетних. Полагаем, что необходимость разрешения проблемы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в азартные игры на законодательном уровне очевидна. Считаем возможным введение специальной нормы, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетних в систематическое занятие азартными играми, в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» с аналогичной ст. 150 и 151 УК РФ формулировкой диспозиции.

Третьей проблемой является проблема использования возможностей информационных технологий в организации и проведении азартных игр, в том числе дистанционно. Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ запрещена организация деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи. «Информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Передача информации посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей осуществляется без ограничений при условии соблюдения установленных федеральными законами требований к распространению информации и охране объектов интеллектуальной собственности»⁶. При этом законодатель не учел того обстоятельства, что установить факт заключения соглашения в виртуальном пространстве между конкретными участниками такого соглашения проблематично. Более того, игорная деятельность считается законным видом экономической деятельности в Австра-

лии, Сингапуре, Германии, Великобритании, Испании, Италии, США. Фактически граждане России имеют возможность организовать проведение азартных игр с территории этих государств. Такая деятельность в сфере игорного бизнеса не нарушает требований российского законодательства, поскольку об этом в законе ничего не сказано.

Указанный пробел в законодательстве привел к массовому росту интернет-кафе, интернет-клубов, в которых фактически осуществляется игорная деятельность. Между предпринимателем-агентом и организатором азартной игры заключается гражданско-правовой (агентский) договор. В соответствии со ст. 1005 Гражданского кодекса РФ «по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. По сделке, совершенной агентом с третьим лицом от своего имени и за счет принципала, приобретает права и становится обязанным агент, хотя бы принципал и был назван в сделке или вступил с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки»⁷.

По агентскому договору агент не несет ответственности за организацию игорной деятельности вне территории игорной зоны через сеть Интернет, поскольку ее не осуществляет, являясь посредником между организатором азартной игры и игроком. В действующем законодательстве не определены условия посредничества в сфере игорной деятельности и не выделены особенности заключения гражданско-правовых (в том числе агентских) договоров в области организации и проведения азартных игр.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 171.2 УК РФ уголовно наказуемыми признаются «организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования и вне игорной зоны». К игровому оборудованию для проведения азартных игр относятся: игровой стол для игры в карты; игровой автомат;

⁶ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

обменные знаки игорного заведения и т.п. При этом компьютеры не подпадают под игорное оборудование. Интернет-клуб просто осуществляет доступ посетителей к интернет-терминалам (персональным компьютерам) и услугу по работе с электронным кошельком через специальные программы 'WestSystem', 'WebCash' и др.

Криминализирующим признаком состава преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 171.2 УК РФ, является сопряженность с извлечением дохода в крупном (в особо крупном) размере, которые определены в примечании к статье соответственно в один миллион пятьсот тысяч рублей и шесть миллионов рублей. Под доходом применительно к целям ст. 171.2 УК РФ следует понимать «выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности»⁸.

Следовательно, фактически информационные технологии используются для организации и проведения азартных игр, но формально такая деятельность подпадает под понятие агентского соглашения по организации проведения азартной игры в целях извлечения дохода.

Четвертой проблемой является проблема соотношения азартной игры с иными видами игровой деятельности. Смежной с азартными играми является лотерея, в основу которой положен принцип случайного определения выигрыша. Организация лотерей не относится к игорному бизнесу, их деятельность регулируется Федеральным законом от

11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях», ст. 2 которого определяет лотерею как «игру, которая проводится в соответствии с договором и в которой одна сторона (оператор лотереи) проводит розыгрыш призового фонда лотереи, а вторая сторона (участник лотереи) получает право на выигрыш, если она будет признана выигравшей в соответствии с условиями лотереи»⁹.

Законодательно разрешено проведение тиражной лотереи и бестиражной лотереи. Участие в тиражной лотереи связано с внесением платы, формирующей в совокупности взносов призовой фонд лотереи. Соглашение оформляется выдачей лотерейного билета с размещенной на нем лотерейной комбинацией — своеобразным кодом выигрыша. В бестиражной лотереи (так называемая стимулирующая лотерея) призовой фонд формируется за счет средств организатора лотереи. Сущностное сходство заключаемого при этом соглашения предопределяло возможность маскировки азартных игр под стимулирующую лотерею, в том числе посредством применения модифицированных игровых автоматов.

Таким образом, можно сделать вывод, что до настоящего времени не сложилось однозначной практики относительно применения Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ, что связано с неточностями в понятийном аппарате указанного закона об игорной деятельности и что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования диспозиции ст. 171.2 УК РФ с учетом существующих пробельных зон, попытка освещения которых предпринята в настоящей статье.

⁸ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

⁹ О лотереях : Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2003. № 46 (часть I). Ст. 4434.

Литература

1. Лихолетов А.А. О криминализации отдельных деяний, связанных с азартными играми / А.А. Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. 2014. № 2. С. 47–54.
2. Медведев Ю.Г. Проблемы правового регулирования игорного бизнеса в России / Ю.Г. Медведев. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-19/IV/Medvedev.pdf>
3. Панов С.Л. Социально-правовые, нравственно-психологические и медицинские аспекты предпринимательской деятельности, связанной с функционированием залов игровых автоматов / С.Л. Панов // Право и политика. 2006. № 10. С. 130–137.

Определение размера морального вреда за «родительский ущерб»: к постановке проблемы

Фаст Ирина Александровна,

адвокат адвокатской конторы «Гражданские компенсации»
Нижегородской областной коллегии адвокатов
fast_irina@sila-zakona.ru

В статье обосновывается необходимость дополнения правового регулирования возмещения морального вреда. В качестве примера приводится зарубежный опыт возмещения «родительского ущерба», где при возмещении морального вреда учитывается финансовый интерес родителей. Предлагается расширить круг обстоятельств, подлежащих учету при определении компенсации морального вреда, и внести соответствующие изменения в действующее гражданское законодательство.

Ключевые слова: имущественный вред, моральный вред, вред, убытки, реальный ущерб, упущенная выгода.

Determination of the Amount of Moral Harm from “Parental Damage”: Problem Setting

Fast Irina A.

Attorney of the Civil Compensations Law Firm of the Nizhny Novgorod Regional Bar Association

The article substantiates the need to supplement the legal regulation of non-pecuniary damage. As an example, the foreign experience of compensation for ‘parental damage’ is cited, where the financial interest of parents is accommodated when compensating moral harm. It is proposed to expand the range of circumstances to be considered when determining compensation for non-pecuniary damage and to amend the current civil law accordingly.

Keywords: property damage, non-pecuniary damage, harm, losses, real damage, lost profit.

В цивилистической литературе понятие «вред» принято рассматривать как «неблагоприятные изменения в охраняемом законом благо, при этом само благо может быть как имущественным, так и неимущественным»¹. Соответственно, причиненный вред может вызывать как имущественные, так и неимущественные неблагоприятные последствия. Но в отличие от имущественного вреда, который представляет собой утрату или повреждение конкретного имущества (реальный ущерб), принадлежащего определенному лицу, а также неполучение определенных доходов (упущенная выгода) и подлежит возмещению в форме причиненных убытков (ст. 15 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ), неимущественный вред возникает вследствие нарушения личных неимущественных прав либо посяга-

тельств на принадлежащие лицу нематериальные блага. И по факту причинения неимущественного вреда у потерпевшего появляется возможность притязания на денежную компенсацию в любом размере², однако размер денежной компенсации за причиненные физические и нравственные страдания определяется судом исходя из степени вины нарушителя, степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен моральный вред, а также иных заслуживающих внимания обстоятельств (абз. 3 ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Эта позиция подтверждается и существующей судебной практикой, где отмечается, что сами по себе нарушения личных неимущественных прав потерпевшего или посягательство на нематериальные блага

¹ Смирнов В.Т., Собчак А.А. *Общее учение о деликтных обязательствах*. Л., 1983. С. 17.

² См. подробнее: Чеговадзе Л.А. От притязания до права в деликтных обязательствах // *Legal Concept*. 2018. Т. 17. № 1. С. 16–21.

не являются безусловными основаниями для удовлетворения требований о компенсации морального вреда. Также требуется выяснение вины причинителя вреда, наличие причинно-следственной связи с противоправностью действий правонарушителя³.

Другими словами, для определения размера морального вреда необходимо не просто фактическое нарушение, требуется и выяснение перенесенных физических и нравственных страданий, а также других юридических обстоятельств, указанных в законе, или обстоятельств, заслуживающих внимания по усмотрению суда. Вместе с тем существующая позиция видится не такой однозначной, поскольку существуют ситуации, где сам факт причинения вреда очевидно влечет возникновение неблагоприятных имущественных и неимущественных последствий. Однако обосновать размер денежной компенсации, которая должна быть определена судом с учетом перенесенных нравственных страданий, достаточно проблематично. Объясняется это тем, что «четкие ориентиры, критерии определения компенсации морального вреда до настоящего времени не установлены, в связи с чем существует проблема чрезвычайного разрыва в суммах назначаемых компенсаций по одним и тем же категориям дел»⁴. При этом, например, среднее значение компенсации морального вреда, присуждаемое в случае смерти гражданина, в том числе малолетнего ребенка, составляет 111 тыс. руб.⁵.

Данной проблеме достаточно серьезное внимание уделяется в зарубежных странах. Так, активно обсуждается вопрос о правовых основаниях и порядке регулирования определения размера де-

нежной суммы за утрату живого ребенка вследствие его убийства или утрату матерью плода. И тут необходимо пояснить, что данный вопрос является достаточно дискуссионным, поскольку родитель, помимо испытываемых нравственных страданий, которые подлежат компенсации, теряет возможную материальную помощь от своего ребенка в будущем в виде полного финансового содержания либо сокращения (экономии) своих расходов за счет помощи ребенка, чего лишается в связи с его смертью. В связи с чем высказывается мнение, что наряду с психическими переживаниями при определении размера компенсации учету подлежат не только возникшие, но и будущие имущественные потери, включая содержание родителей, — «родительский ущерб»⁶. Думается, что эта проблема актуальна и для российского правоприменения, особенно с учетом того, что компенсация чисто неимущественного вреда у нас длительное время отсутствовала, так же как и культура компенсации морального вреда⁷, под которым следует понимать в том числе и очевидные нравственные переживания в связи с утратой родственников⁸, особенно детей.

Причинение морального вреда нарушением неимущественных прав дает возможность притязать на денежное возмещение. Притом что причинение неимущественного вреда, например жизни или здоровью, в любом случае вызывает

³ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 84-КГ17-6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019); Определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2017 г. № 87-КГ17-11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019).

⁴ Моисеева О.В. Проблемы компенсации морального вреда // Российский судья. 2019. № 6. С. 26–29.

⁵ Научно-аналитическое исследование «Компенсация морального вреда, причиненного жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в России». URL: <http://www.sila-zakona.ru> (дата обращения: 10.12.2019).

⁶ См., например: Cambridge Studies in International and Comparative Law (Book 40) // Cambridge University Press; Reissue edition. 2011. June 16. P. 276; Ireland, Thomas, R. & Ward, John O. Loss in the Death of a Child: An Extension of the Ward Analysis, in Valuing Children in Litigation: Family and Individual Loss Assessment 37, 39 (Thomas R. Ireland & John O. Ward eds., Laws. & Judges Publ. Co. 1995) (emphasis in original).

⁷ Опыты цивилистического исследования: сборник статей / И.И. Акимов, В.А. Волгина, А.А. Громов [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. Вып. 3: Специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. 376 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019).

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». П. 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019).

физические и нравственные страдания, и факт причинения морального вреда налицо. В этом случае суды исходят из того, что установлению подлежит лишь размер компенсации морального вреда. В то же время если речь идет о компенсации морального вреда иным лицам в связи со смертью потерпевшего, в частности членам его семьи, то необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. И факт родственных отношений для судов не является достаточным основанием для безусловного установления денежной компенсации в форме морального вреда⁹.

Логично, что такой подход применяется и в отношении случаев в связи с гибелью ребенка, и, несмотря на всю очевидность, родителям необходимо доказывать факт и степень перенесенных ими физических и нравственных страданий. При этом в конечном итоге размер денежной компенсации морального вреда остается на усмотрение суда и может включать лишь физические и нравственные страдания, перенесенные по факту гибели ребенка, а не по поводу его «выбытия» из будущих отношений.

Представляется, пора признать выработанный Конституционным Судом РФ подход, что гражданско-правовые нормы о взыскании морального вреда закрепляют дополнительные гарантии защиты прав граждан и направлены на осуществление права на возмещение вреда¹⁰. Реализацию данного подхода демонстрирует и остальная судебная практика, когда, например, в возмещение материального ущерба в пользу матери взыскано 80 950 руб., а для компенсации морального вреда взыскано 2 млн руб.¹¹.

В данной ситуации возмещение «родительского ущерба», т.е. определение размера денежных средств, которые пойдут на «погашение будущего имущественного вреда», должно осуществляться с учетом тех, которые получил бы родитель в качестве материальной помощи от своего ребенка в виде полного или частичного финансового содержания. Однако отсутствие нормативно-закрепленного механизма осложняет правоприменительную практику, тем более что судьи не всегда высокопрофессиональны в применении норм о деликтных обязательствах¹².

Обратившись к нормам российского гражданского законодательства, можно обнаружить, что правовым основанием для возмещения причиненного имущественного вреда является взыскание реального ущерба, а также упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ). «Реальный ущерб включает в себя убытки двух видов: расходы для восстановления нарушенного права и утрату или повреждение имущества. ... Это расходы, связанные с восстановлением нарушенного права (ремонт, приобретение субститута, привлечение третьих лиц и т.д.), во втором такое восстановление права оказывается невозможным, но возникающие от снижения его стоимости потери должны быть компенсированы в денежной форме»¹³.

Также в состав убытков включаются и будущие расходы лица, которые должны будут произведены для восстановления нарушенного права. Как видно, такая формулировка статьи дает определенные возможности для взыскания родителями причиненного им «родительского ущерба». В то же время будущие расходы требуют от сторон их подтверждения соответствующими расчетами, сметами и калькуляциями затрат¹⁴, что может вызвать определенные

⁹ Данное положение закреплено в пункте 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». См.: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁰ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2002 г. № 22-О и от 3 июля 2008 г. № 734-О-П.

¹¹ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2018 г.

№ 48-АПУ18-21 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.12.2019).

¹² Чеговадзе Л.А. Опыт правоприменения, или Как один судья два дела решил // Особенности управления национальными территориями в России : материалы научно-практической конференции / отв. ред. И.К. Очир-Гаряева. 2019. С. 142–147.

¹³ Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М. : Статут, 2009. С. 62.

¹⁴ Там же. С. 63.

затруднения с расчетом и доказыванием размера таких расходов.

Под упущенной выгодой следует понимать неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было¹⁵. Практика взыскания «родительского ущерба» как суммы не полученного финансового обеспечения от ребенка складывается за рубежом. Так, имеется решение, где еще в 1960 году Верховный суд штата Мичиган в деле *Wycko v. Gnodtke* разработал так называемое правило «потерянных инвестиций», согласно которому ценность умершего ребенка должна измеряться функциональной ценностью ребенка как части семьи, принимая во внимание в том числе понесенные расходы, такие как расходы на рождение ребенка, питание, одежду, лекарства, обучение, воспитание и жилье. Согласно описываемому подходу, это потерянные инвестиции родителей и, в сочетании с ценностью дружеских отношений и общества ребенка, определяют ценность ребенка для этой семьи¹⁶.

В российском гражданском праве понятие «заработок» или «доход» потерпевшего, в целях определения размера возмещения причиненного вреда, устанавливается в ст. 1088 ГК РФ как ущерб в результате смерти кормильца. Так, заработком (доходом) умершего следует считать его среднемесячный доход (ст. 1086 ГК РФ). Кроме того, включаются и получаемые им при жизни пенсии, пожизненное содержание, пособия и другие подобные выплаты (например, авторский гонорар). Также учитывается и заработок, который причитался умершему при жизни, но не выплачивался по каким-либо причинам¹⁷. Очевидно, что

данная юридическая конструкция не может быть использована для определения размера «родительского ущерба».

Более того, ситуация может складываться и таким образом, когда ребенок зарабатывает большие деньги, а родители не имеют собственного дохода в связи с обеспечением доходной деятельности самого ребенка. Таким примером может служить несовершеннолетняя Настя Радзинская, доход которой от YouTube-канала, по подсчетам «Форбс», составил 18 млн долл. за год¹⁸. И закрепленные в действующем российском гражданском законодательстве юридические конструкции, устанавливающие возможности в форме возмещения убытков или в форме морального вреда, не позволяют возместить «родительский ущерб» от смерти ребенка.

Данное обстоятельство представляется как пробел в правовом регулировании, поскольку в Конституции РФ закрепляется, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Кроме того, трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. Отсюда следует, что родители наделены правом на некую заботу своих детей и что причинением смерти ребенку причиняется вред и родителям, причем вред как моральный, выражающийся в физических и нравственных страданиях, так и имущественный.

Следует согласиться с тем, что «основания компенсации морального вреда должны совпадать с основаниями возмещения имущественного вреда»¹⁹. В связи с этим закрепленное конституционное право родителей на заботу детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, должно найти свое отражение и в гражданско-правовом регулировании, в том числе через включение юридических конструкций, регулирующих основания, порядок, обстоятельства и размеры

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.12.2019).

¹⁶ См.: *Wycko v. Gnodtke* 105 N.W.2d 118 (Mich. 1960).

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁸ Женский журнал *Woman's day*. URL: <https://www.wday.ru/deti/vospitanie-detei/5-rossijskih-detey-bloggerov-kotoryie-zarabatyivayut-millionyi> (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁹ Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9.

возмещения морального и материального вреда родителям в связи с гибелью ребенка («родительский ущерб»).

Однако представляется, что законодательное установление порядка определения размера имущественного или неимущественного вреда не является гарантией полного возмещения причиненного ущерба. Своеобразной альтернативой такому порядку стало бы закрепление правила о возмещении фиксированной «штрафной компенсации» морального вреда²⁰ либо разработка определенной методики расчета размера морального вреда, которая бы учитывала особенности возмещения от причиненного «родительского ущерба», включая имущественные потери родителей.

В юридической литературе методике расчета морального вреда уделяется достаточно большое внимание. Так, В.Я. Понариным предложено два метода оценки морального вреда: «поденный» и «посанкционный»²¹. А.М. Эрделевским предлагается определение размера компенсации морального вреда с учетом эквивалентности (равенства) размера возмещения размеру причиненного вреда. Для облегчения расчета ученым предлагается использовать разработанную им специальную формулу²². Данное предложение нашло поддержку и у других ученых. Так, А.Т. Табунщиков отмечает, что «положительным моментом данной теории следует считать стремление автора выработать единый базисный уровень, придерживаясь которого любой судебный состав на всей территории Российской Федерации мог определить размер презюмируемого морального вреда для каждого конкретного правонарушения и далее с учетом остальных предусмотренных ГК РФ критериев определить размер

действительного морального вреда»²³. По этому пути пошел, например, ВС РФ, определив, что разумный размер компенсации по спорам, связанным с защитой чести, достоинства, составляет 5 тыс. руб., компенсация морального вреда за сутки незаконного содержания под стражей в размере 2 тыс. руб. является разумной²⁴.

Следовательно, законодательное закрепление критериев расчета морального вреда, а также определение юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению при решении вопроса о размере компенсации за причиненный «родительский ущерб», могли бы стать отправной точкой в разработке юридических конструкций, регулирующих реализацию права родителей на возмещение вреда, вызванного гибелью ребенка. Кроме того, такая позиция не вступает в противоречие с положением закона о том, что компенсация морального вреда осуществляется вне зависимости от возмещения причиненного имущественного вреда (п. 3 ст. 1099 ГК РФ). Поскольку моральный вред представляет собой «отрицательные последствия нарушения имущественных или неимущественных благ, выразившиеся в душевных страданиях или переживаниях»²⁵, а его размер должен соответствовать объему нарушенных прав, требованиям разумности и справедливости.

Таким образом, на примере ситуации о возмещении причиненного «родительского ущерба», вызванного гибелью ребенка, показано, что существующие юридические конструкции не способны в полной мере обеспечить необходимое правовое регулирование такого возмещения. Такое положение дел не соответ-

²⁰ См.: Вешкурцева З.В. Актуальные проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2015. 214 с.

²¹ Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж, 1994. С. 84.

²² Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997. С. 133.

²³ Табунщиков А.Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Тьгинина. Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. 124 с.

²⁴ См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016); Определение Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. по делу № 78-КГ18-38. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2019).

²⁵ Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 45.

ствует мировому зарубежному опыту, где учитывается интерес родителей, включая финансовое обеспечение, которое могли бы получить родители от своего ребенка. Кроме того, это не соответствует и принципу генерального деликта, который предусматривает возможность полной компенсации причиненного вреда и установлен в ст. 1064 ГК РФ.

Разрешению указанной проблемы способствует совершенствование института морального вреда в гражданском законодательстве, посредством расширения круга обстоятельств, подлежащих учету при определении размера компенсации морального вреда. С этой целью можно в п. 2 ст. 1101 ГК РФ внести по-

правку с указанием, что «в случае, когда размер компенсации морального вреда не установлен законом, размер компенсации морального вреда определяется (рассчитывается) судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием для возмещения вреда. При определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости».

В случаях, установленных законом, судом могут применяться существующие методики расчета компенсации морального вреда.

Литература

1. Вешкурцева З.В. Актуальные проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетях : диссертация кандидата юридических наук / З.В. Вешкурцева. Москва, 2015. 214 с.
2. Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.И. Карномазов. Самара, 2010. 25 с.
3. Моисеева О.В. Проблемы компенсации морального вреда / О.В. Моисеева // Российский судья. 2019. № 6. С. 26–29.
4. Опыты цивилистического исследования : сборник статей / И.И. Акимова [и др.] ; руководители авторского коллектива и ответственные редакторы А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Москва : Статут, 2019. Вып. 3. Специальный выпуск к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. 376 с.
5. Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России / В.Я. Понарин. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. 187 с.
6. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. Москва : Статут, 2009. 219 с.
7. Смирнов В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учебное пособие / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.
8. Табунщиков А.Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / А.Т. Табунщиков ; под редакцией С.В. Тычина. Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. 124 с.
9. Чеговадзе Л.А. Опыт правоприменения, или Как один судья два дела решил / Л.А. Чеговадзе // Особенности управления национальными территориями в России : материалы научно-практической конференции (г. Элиста, 24 июня 2019 г.) / ответственный редактор И.К. Очир-Гаряева. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 142–147.
10. Чеговадзе Л.А. От притязания до права в деликтных обязательствах / Л.А. Чеговадзе // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 1. С. 16–21.
11. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом / А.М. Эрделевский. Москва : Форум : ИНФРА-М, 1997. 239 с.
12. Ireland, T.R. Loss in the Death of a Child: An Extension of the Ward Analysis // Ireland T.R., Ward J.O. Valuing Children in Litigation: Family and Individual Loss Assessment. Lawyers & Judges Pub Co, 1995. 478 p.

Заключение эксперта или специалиста по результатам тестирования с использованием полиграфа не является доказательством в уголовном судопроизводстве

Арсентьева Светлана Степановна,

доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности
Института права Челябинского государственного университета,
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru

Савченко Анатолий Николаевич,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права филиала
Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск),
судья в отставке
a763tx@mail.ru

В статье приведены примеры из судебной практики по использованию в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве тестирования на полиграфе. При отсутствии законного для этого основания по Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Авторы уверены, что для исключения распространения такого явления в судебной практике достаточно авторитетного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная практика, экспертиза, доказательство, мнение специалиста или эксперта, полиграф.

Conclusion of an expert or specialist based on the results of testing using a polygraph is not evidence in criminal proceedings

Arsentyeva Svetlana S.,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity
of the Institute of Law of Chelyabinsk State University
Ph.D. (Law)

Savchenko Anatoly N.,

Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law of the Branch
of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk)
Retired Judge

The article presents examples of judicial practice on the use of polygraph testing as evidence in criminal proceedings. In the absence of a legal basis for this under the code of criminal procedure of the Russian Federation. The authors are sure that an authoritative explanation of the Supreme Court of the Russian Federation is sufficient to exclude the spread of this phenomenon in judicial practice.

Keywords: judicial practice, examination, proof, opinion of a specialist or expert, polygraph.

В последние годы с удивительной легкостью, но вполне серьезно, с приданием статуса доказательства суды в обоснование доказанности вины в совершении инкриминируемого преступления в приговорах стали ссылаться на заключения эксперта или специалиста по результатам исследований с использованием полиграфа при отсутствии для этого каких-либо законных оснований в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ).

Быть может, этому способствует влияние на судей популярности оригинальных

телепередач (ток-шоу), в которых выясняется довольно быстро, с перерывами на рекламные паузы, «ложь» или «правда» с помощью «исследований экспертов»?

Однако же все-таки необходимо отметить, что вера в чудодейственную силу выявления лжи и познания правды с помощью полиграфа провозглашалась как достоверный факт достижения человечества.

«В начале XX века человечество избрало новый способ отделения правды от лжи. Этот прибор способен на основе медико-биологических показателей определить достоверность сообщаемой

человеком информации о совершенных им поступках и событиях, произошедших с ним в прошлом»¹.

«В нашей стране, — оптимистично предсказывал Н.М. Букаев, — несмотря на активное противодействие сторонников привычных методик получения криминалистически значимой информации, метод тестирования на полиграфе находит все большее число сторонников, стремящихся к определению его правового статуса в уголовном процессе... В следующем году Государственная Дума РФ планирует узаконить применение полиграфа в России. В недрах думского комитета по безопасности готовится законопроект «О применении полиграфа», выносить документ на обсуждение собираются уже ближайшей зимой»².

Мы же обращаемся к фактам использования в судебной практике в качестве доказательств таких результатов исследований. Для иллюстрации представляем примеры.

Тезис первого примера.

«Заключения эксперта или специалиста по результатам исследований с использованием полиграфа не могут быть приняты в качестве доказательства при рассмотрении уголовного дела».

Суд апелляционной инстанции, исключая доказательство, указал следующее.

Поскольку такие заключения не отвечают требованиям УПК РФ, предъявляемым к допустимым доказательствам (в них оцениваются достоверность показаний того или иного лица, их соотносимость с другими доказательствами по делу, что в соответствии с требованиями закона относится к компетенции суда), они в силу положений ст. 75 УПК РФ не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ³.

Тезис второго примера.

«Уголовно-процессуальный закон не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе, в связи с чем данные заключения не могут рассматриваться в качестве надлежащих доказательств, соответствующих требованиям ст. 74 УПК РФ».

Президиум краевого суда приговор изменил и привел следующее обоснование.

Как усматривается из приговора, суд в качестве доказательства сослался на результаты психофизиологических исследований и показания специалиста Н., проводившей психофизиологическое исследование с использованием полиграфа в отношении осужденного.

Однако уголовно-процессуальный закон не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе.

Согласно положениям ст. 57, 74, 75, 80 УПК РФ, выводы подобного исследования нельзя признать достоверными, свидетельствующими о виновности лица ввиду того, что отсутствует специально разработанная достоверная методика, исключающая вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету, что влечет их недопустимость с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки доказательств по уголовному делу⁴.

Тезис третьего примера.

«Заключение психофизиологической экспертизы с применением полиграфа не относится к числу перечисленных в ст. 47 УПК РФ источников доказательств».

Вышестоящий суд привел следующее суждение.

«Выводы суда о доказанности вины осужденных в совершении преступления основаны в том числе на таких доказательствах, как выводы, изложенные в заключении психофизиологической экспертизы с применением полиграфа, проведенной в отношении осужденной М. Однако психофизиологическое исследование (с использованием полиграфа) не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством и не относится к числу

¹ См.: Букаев Н.М. О проблемах применения и законодательного регулирования и использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (Тюмень, 17–19 ноября 2005 г.). Ч. 4. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2006. С. 211.

² Там же. С. 212.

³ См.: Обзор апелляционной практики Верховного Суда Республики Коми по уголовным делам за июль 2017 г. Дело № 22-1633/2017 Эжвинского районного суда г. Сыктывкара.

⁴ См.: Обзор материалов судебной практики за III квартал 2018 г. Ставропольского краевого суда. Постановление суда кассационной инстанции № 44-у-588/2018 (извлечение). URL: http://kraevoy.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=611

перечисленных в ст. 74 УПК РФ источников доказательств»⁵.

Примеров достаточно, чтобы засвидетельствовать факт проникновения в судебную практику в качестве доказательства исследований сомнительного свойства.

Давным-давно, как нам представляется, абсолютно трезвая оценка возможностей полиграфа в качестве доказательства и попытки представить это как достижение науки и техники дана профессором, специалистом в области криминалистической тактики и организации расследования А.М. Лариным.

«Сегодня же, — писал А.М. Ларин, — игры вокруг полиграфа поощряют недальновидные, невежественные руководители прокуратуры и МВД. Для того чтобы имитировать внедрение в расследование достижений науки и техники, они охотно прислушиваются к советам, которые им дают деятели особого рода. Это шустрые господа, которые не склонны день и ночь, в жару и холод преследовать преступников, по крохам в пыли и мусоре собирать доказательства, а предпочитают в комфортабельных кабинетах испытывать полиграфом подозреваемого и обвиняемого, трактуя вкривь и вкось графики на бумажных лентах, ни за что не отвечая и пользуясь при этом всеми благами и преимуществами сотрудников милиции или службы безопасности. А к тому времени, когда ценой многочисленных нарушений прав личности несостоятельность этого метода станет общепризнанной, шустрые люди найдут для себя новое поприще, например одорологию, телепатию и т.п.»⁶.

Мы не будем анализировать мнения сторонников⁷ и противников полиграфа⁸,

точки зрения использования результатов его применения в уголовном судопроизводстве⁹, которые периодически представляются в современной юридической литературе. Как и возможность к этому исследованию, применять правила оценки, предусмотренные УПК РФ, в силу отсутствия для этого законных оснований¹⁰. Нами преследуется цель в настоящей статье — показать, что внедрение этого «недоразумения» в судебную практику подрывает доверие к объективности судебных решений и способно подорвать доверие общества и к суду.

Поэтому мы удовлетворены тем, что пока оптимистичность сторонников внедрения метода тестирования с использованием полиграфа с приданием доказательственного значения полученным при этом сведениям в УПК РФ можно представить в виде диалога с «милой тетенькой» героя М.Е. Салтыкова-Щедрина.

«Милая тетенька!

Помните ли вы, как мы с вами волновались? Это было так недавно. То расцветали надеждами, то увядали; то поднимали голову, как бы к чему-то прислушиваясь, то пускали ее долу, точно все, что нужно, услышали; то устремлялись вперед, то жались к сторонке... И бредили, бредили, бредили — без конца!»¹¹

Но, для того чтобы эта надежда оставалась в состоянии ностальгии для сторонников полиграфа, необходимо сегодня «доказательству», не стоящему ломаного гроша с точки зрения процессуальной ценности¹², «доказательству», не имеющему ничего общего с воспроизведением события прошлого, являющемуся субъективным мнением «специалиста или эксперта», не подлежащим какой-либо вменяемой проверке с точки зрения относимости и достоверности, ввести запрет на использование в судебной практике.

⁵ См.: Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда за 1 квартал 2019 г. : утвержден постановлением Президиума Липецкого областного суда от 25 апреля 2019 г. Апелляционное определение от 4 марта 2019 г. № 22-173/2019. URL: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2907

⁶ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика : научно-практическое и учебное пособие. М. : БЕК, 1996. С. 148.

⁷ Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 74–82.

⁸ Холодный Ю.И. Оценка качества криминалистических исследований и экспертиз с применением полиграфа / Ю.И. Холодный, А.С. Подшибякин // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 60–67.

⁹ Попова И.П. Состязательность сторон и использование результатов применения в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 11. С. 3–41.

¹⁰ См.: Балакшин В.С. Признание доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимыми и исключение их из уголовного дела // Российский судья. 2018. № 1. С. 38–45.

¹¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. М. : Изд-во «Правда», 1988. С. 273.

¹² Достаточно для понимания юридической ничтожности такого рода исследований осмысленно прочитать гл. 10 и 11 УПК РФ.

Почему же это «новшество», — как говорил прославленный М.А. Булгаковым буфетчик, — не первой свежести»¹³ проникло в современную судебную практику?

Может показаться странным ответ, но это явление расползается в судебной практике благодаря режиму «молчания» Верховного Суда Российской Федерации.

Мы под этим имеем в виду то, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» об этом «новшестве не первой свежести» даже не упоминается. Это при понимании Верховным судом значимости своих разъяснений для формирования судебной практики.

Так, в постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» Верховный суд совершенно верно оценил свой вклад в дальнейшее укрепление и развитие демократических основ уголовного судопроизводства силой влияния своих руководящих разъяснений.

«Существенное влияние, — указывается в данном документе, — на обеспече-

ние единства судебной практики и правильного толкования закона оказывают разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, в которых сформулированы правовые позиции, направленные на единообразие судебной практики и устранение неопределенности в вопросах толкования права. Верховный Суд Российской Федерации, реализуя свою конституционную функцию по разъяснению вопросов судебной практики, принял более 50 постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзоров»¹⁴.

Мы считаем, что Верховный Суд РФ в постановлении, посвященном доказательству по уголовному делу — судебной экспертизе, должен был уделить внимание этому «феномену», для того чтобы суды не затрачивали время на обсуждение такого рода исследований, которые не соответствуют не только закону, но и нравственности. На сегодня место таким обсуждениям на площадках с приставками «пара» — паракриминалистика, парапсихология и др.

Актуальность авторитетного и категоричного правового мнения Верховного Суда Российской Федерации по данной проблематике совершенно очевидна.

¹³ Нами заимствовано у А.М. Ларина. См.: Ларин А.М. Указ. соч. С. 133.

¹⁴ URL: <https://base.garant.ru/71563760/>

Литература

1. Балакшин В.С. Признание доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, недопустимыми и исключение их из уголовного дела / В.С. Балакшин // Российский судья. 2018. № 1. С. 38–45.
2. Букаев Н.М. О проблемах применения и законодательного регулирования и использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России / Н.М. Букаев // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : материалы международной научно-практической конференции. В 5 частях. Ч. 4 (г. Тюмень, 17–19 ноября 2005 г.). Тюмень : Тюменский государственный ун-т, 2006. С. 202–221.
3. Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа / Я.В. Комиссарова // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 74–82.
4. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика : научно-практическое и учебное пособие / А.М. Ларин. Москва : Бек, 1996. 179 с.
5. Попова И.П. Состязательность сторон и использование результатов применения в уголовном судопроизводстве / И.П. Попова // Российский судья. 2019. № 11. С. 37–41.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 10 томах. Т. 7 / М.Е. Салтыков-Щедрин. Москва : Правда, 1988. 520 с.
7. Холодный Ю.И. Оценка качества криминалистических исследований и экспертиз с применением полиграфа / Ю.И. Холодный, А.С. Подшибякин // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 60–67.

Особенности привлечения финансового управляющего к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Донцов Павел Владимирович,
председатель судебного состава
Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук, доцент
paveldontsov@ya.ru

Стрыгина Мария Александровна,
помощник судьи Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук
masha358432@mail.ru

В настоящей статье анализируется судебная практика привлечения арбитражного управляющего, осуществляющего банкротство физического лица, к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за несоблюдение требований пункта 4 статьи 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, административная ответственность, закон о банкротстве, должник.

Peculiarities of Bringing a Financial Manager to Administrative Liability under Part 3 Article 14.13 of the Administrative Offense Code of the Russian Federation

Dontsov Pavel V.
Presiding Judge of the Nineteenth Commercial Court of Appeal
PhD (Law), Associate Professor

Strygina Maria A.
Assistant Judge of the Nineteenth Commercial Court of Appeal
PhD (Law)

This article analyses the judicial practice of engaging the liquidator, carrying out insolvency practitioner to administrative responsibility according to part 3 of article 14.13 of the administrative code for failure to comply with the requirements of paragraph 4 of article 61.1 of the Federal law from 26.10.2002 No. 127-FZ 'On insolvency (bankruptcy)'.

Keywords: insolvency practitioner, bankruptcy, administrative responsibility, bankruptcy law, debtor.

Правовой статус арбитражного управляющего отличает ряд характерных особенностей, обусловленных его основной функцией — обеспечение соблюдения законодательства при банкротстве граждан и юридических лиц.

По этой причине арбитражный управляющий наделен широким объ-

емом прав и обязанностей, от своевременной и добросовестной реализации которых зависит эффективность процедур банкротства.

При этом требования Закона о банкротстве должны неукоснительно соблюдаться участниками правоотношений. Неисполнение данных требований

арбитражным управляющим является нарушением им своих обязанностей независимо от мотивов, которыми он руководствовался. Вместе с тем выполнение арбитражным управляющим своих обязанностей, исходя из удобных для него мотивов, не может и не должно входить в противоречие с принципом надлежащего выполнения требований законодательства о банкротстве.

Арбитражные суды рассматривают дела о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности по ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Кроме того, в арбитражных судах рассматриваются дела об обжаловании постановлений административных органов о прекращении производства по делу об административном правонарушении по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Как показывает судебная практика, типичными нарушениями, выявляемыми в ходе государственного контроля за арбитражными управляющими, являются нарушения по предоставлению арбитражным управляющим отчетов о своей деятельности; по организации и проведению собраний кредиторов должника; по осуществлению расчетов с кредиторами; по информированию арбитражным управляющим кредиторов об осуществляемых им действиях¹.

В научной литературе в настоящее время активно обсуждаются проблемы, возникающие в связи с этим в судебной и административной практике. К числу наиболее острых относится проблема применения статьи 2.9 КоАП РФ (при-

знание правонарушения малозначительным).

Также прослеживается тенденция ужесточения ответственности арбитражных управляющих, что выражается в увеличении срока давности привлечения арбитражных управляющих к ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ за повторное совершение административного правонарушения.

На наш взгляд, широкой научной дискуссии заслуживают и проблемы, связанные с привлечением к административной ответственности арбитражных управляющих, участвующих в процедурах банкротства гражданина.

Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, вступившим в силу с 1 июля 2015 г., была введена еще одна разновидность арбитражного управляющего — финансовый управляющий².

В настоящее время спорным является вопрос о привлечении финансового управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ за несоблюдение требований п. 4 ст. 61.1 Закона № 127-ФЗ, выразившихся в нарушении сроков опубликования в ЕФРСБ сведений о признании сделки недействительной.

Сведения, подлежащие опубликованию в соответствии с Законом № 127-ФЗ, обязательно подлежат включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликовываются в соответствующем официальном издании.

Пунктом 3.1 ч. 3 приложения № 1 к приказу Минэкономразвития России от 5 апреля 2013 г. № 178 установлен трехдневный срок по включению сведений в информационный ресурс.

При этом если арбитражный управляющий, участвующий в процедурах банкротства юридического лица, не соблюдает установленные требования, то никаких сомнений в возможности привлечения его к ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ не возникает, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика, подтвержденная

¹ Кациян Н.С. Ответственность арбитражного управляющего и проблемы ее применения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 49–53; Ускова Т.В. Отдельные проблемы административной и дисциплинарной ответственности арбитражного управляющего // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 11; Карнаух И.В. Перспективы ограничения ответственности арбитражного управляющего // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. С. 36–39; Савин Д. Проблемы применения законодательства об административных правонарушениях при привлечении к ответственности за неправомерные действия при банкротстве. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

² Лыткин М.М. Правовой статус финансового управляющего // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3.

позициями высших судебных инстанций³.

Что касается несоблюдения требований п. 4 ст. 61.1 Закона № 127-ФЗ финансовым управляющим, то при его выявлении следует учитывать, что банкротство гражданина отличается рядом особенностей.

Так, например, некоторые авторы предлагают именовать банкротство граждан потребительским банкротством. Они полагают, что в процедурах банкротства гражданина в наибольшей степени доминирует публичный элемент в виде идеи «социальной реабилитации» и оказания помощи гражданам, попавшим в тяжелое финансовое положение в силу стечения определенных обстоятельств.

Одной из главных целей системы банкротства граждан является оказание помощи гражданину, оказавшемуся в тяжелом финансовом положении. При этом финансово-надзорная роль арбитражного управляющего в данных условиях имеет определяющее значение⁴.

При этом банкротство юридических лиц отличается от банкротства граждан. Так, банкротство юридических лиц преследует цели пропорционального удовлетворения требований кредиторов или восстановления платежеспособности должника.

Отношения по банкротству граждан, не урегулированные гл. X «Банкротство гражданина», регламентируются гл. I «Общие положения», II «Предупреждение банкротства», III «Разбирательства дел о банкротстве в арбитражных судах», III.1 «Оспаривание сделок должника», VII «Конкурсное производство», VIII «Мировое соглашение», § 7 гл. IX «Банкротство застройщика» и § 2 гл. XI «Банкротство отсутствующего должника», что следует из п. 1 ст. 213.1 Закона № 127-ФЗ.

³ Определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2019 г. № 305-ЭС19-1739 по делу № А41-61549/2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020); Определение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2019 г. № 302-ЭС19-21160 по делу № А33-18947/2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

⁴ Карелина С.А., Фролов И.В. Финансовый управляющий в процедуре банкротства гражданина // Арбитражный управляющий. 2017. № 3.

Исходя из различий в правовой природе банкротства граждан и юридических лиц, возникает вопрос о правомерности применения положений п. 1 ст. 213.1 Закона № 127-ФЗ и расширительном толковании ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ, регламентирующей сведения, подлежащие опубликованию в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина.

Так, в деле № А60-65747/2018 Управление Росреестра по Свердловской области обратилось в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением о привлечении арбитражного управляющего, проводившего процедуры банкротства гражданина, к административной ответственности по ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ за неисполнение требований п. 4 ст. 61.1 Закона № 127-ФЗ⁵.

Оставляя без изменения решение Арбитражного суда Свердловской области по названному делу, Арбитражный суд Уральского округа пришел к выводу о правомерности привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ за невнесение (несвоевременное внесение) в ЕФРСБ сведений о подаче заявления о признании недействительной сделки должника⁶.

Вместе с тем в постановлении от 28 февраля 2019 г. № Ф05-22963/2018 по делу № А40-146827/2018 Арбитражный суд Московского округа пришел к противоположному выводу, полагая, что ни в перечне ст. 213.7 Закона о банкротстве, ни в иных положениях § 1.1 гл. X Закона № 127-ФЗ не установлено обязательное опубликование (включение в ЕФРСБ) в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, сведений о подаче в арбитражный суд заявлений о признании сделок недействительными и сведений о вынесении

⁵ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2019 г. № 17АП-1798/2019-АК по делу № А60-65747/2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 июня 2019 г. № Ф09-2157/19 по делу № А60-65747/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

судебных актов по результатам рассмотрения заявлений⁷.

Поддерживая данную позицию, мы исходим из следующего.

Статья 61.1 расположена в гл. III.1 Закона «Оспаривание сделок должника».

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ с 1 января 2015 г. в действие введена гл. X о банкротстве гражданина в новой редакции.

В главе X установлены специальные положения, направленные на регулирование банкротства граждан. Глава X включает в себя статьи, объединенные в § 1.1 «Реструктуризация долгов гражданина и реализация», в том числе ст. 213.1 «Регулирование отношений, связанных с банкротством граждан».

В соответствии с п. 1 ст. 213.1 Закона № 127-ФЗ отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные настоящей главой, регулируются гл. I–III.1, VII, VIII, § 7 гл. IX и § 2 гл. XI закона.

При этом правило п. 1 ст. 213.1 Закона № 127-ФЗ не учитывает специфику и особенности особой природы банкротства граждан.

Исходя из п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 следует, что в соответствии с п. 1 ст. 213.1 закона о банкротстве отношения, связанные с банкротством граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, регулируются § 1.1 и 4 гл. X закона,

а при отсутствии специальных правил, регламентирующих особенности банкротства этой категории должников, — гл. I–III.1, VII, VIII, § 7 гл. IX и § 2 гл. XI закона⁹.

В пункте 2 ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ установлен перечень сведений, подлежащих обязательному опубликованию в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина.

Следовательно, ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ, расположенной в гл. X, установлены специальные правила, предусматривающие, какие именно сведения подлежат обязательному опубликованию (включению в ЕФРСБ).

Так, перечень сведений, подлежащих опубликованию в ЕФРСБ при банкротстве граждан, определен специальными нормами и ограничен рамками § 1.1 гл. X закона.

Положения закона о банкротстве разграничивают действия по включению в ЕФРСБ и действия по опубликованию сведений о банкротстве в официальном издании.

При этом абз. 3 п. 2 ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ предусмотрено, что в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, обязательному опубликованию подлежат сведения о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина.

Следовательно, в данном случае Законом № 127-ФЗ срок для внесения сведений в ЕФРСБ не установлен.

Таким образом, сообщение о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации имущества должника арбитражным управляющим подлежит опубликованию в ЕФРСБ в трехдневный срок с учетом абз. 3 п. 3.1 приказа Минэкономразвития от 5 апреля 2013 г. № 178.

Аналогичная позиция изложена в постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2018 г. № 19АП-2318/2018 по

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 февраля 2019 г. № Ф05-22963/2018 по делу № А40-146827/2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

⁸ Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета. 2015. 19 октября.

делу № А35-10648/2017¹⁰, а также в постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2017 г. № А48-2042/2017¹¹ (поддержана Постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 23 марта 2018 г.)¹².

При этом с учетом анализа положений Закона № 127-ФЗ можно сделать вывод, что требование об обязательном опубликовании (включении в ЕФРСБ) в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, сведений о подаче в арбитражный суд заявлений о признании сделок недействительными и сведений о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения заявлений, не предусмотрено ни в перечне ст. 213.7, ни в иных положениях § 1.1 гл. X Закона № 127-ФЗ.

Несмотря на то что перечень сведений, указанный в ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ, не является исчерпывающим, это не может допускать расширительного толкования ст. 213.7 Закона № 127-ФЗ и возможности применения к специальной гл. X правил, установленных в гл. III.1 Закона «Оспаривание сделок должника».

¹⁰ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2018 г. № 19АП-2318/2018 по делу № А35-10648/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

¹¹ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2017 г. № 19АП-6538/2017 по делу № А48-2042/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

¹² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 марта 2018 г. № Ф10-405/2018 по делу № А48-2042/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

Указание в п. 7 ст. 213.9 Закона № 127-ФЗ на право финансового управляющего подавать в арбитражный суд от имени гражданина заявления о признании недействительными сделок по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 закона, а также сделок, совершенных с нарушением закона, не может рассматриваться (применительно к упомянутому в п. 2 ст. 213.7 закона «иным предусмотренным настоящим параграфом сведениям») как указание об обязанности финансового управляющего о включении в ЕФРСБ сведений о подаче в арбитражный суд заявлений о признании сделок недействительными самим финансовым управляющим, иными гражданами и сведений о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения заявлений.

К такому же выводу пришел Верховный Суд РФ в Определении от 2 июля 2019 г. № 305-ЭС19-9714¹³.

Таким образом, в соответствии с законом о банкротстве арбитражный управляющий, не включивший в ЕФРСБ сведения о подаче в арбитражный суд заявления о признании сделки недействительной с участием гражданина, не подлежит привлечению к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. При этом применение судом первой инстанции, равно как и административным органом, в данном случае положений п. 4 ст. 61.1 закона о банкротстве является ошибочным.

¹³ Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2019 г. № 305-ЭС19-9714 по делу № А40-146827/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

Литература

1. Карелина С.А. Финансовый управляющий в процедуре банкротства гражданина / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Арбитражный управляющий. 2017. № 3. С. 39–43.
2. Карнаух И.В. Перспективы ограничения ответственности арбитражного управляющего / И.В. Карнаух // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2017. № 2 (101). С. 36–39.
3. Кациян Н.С. Ответственность арбитражного управляющего и проблемы ее применения / Н.С. Кациян // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 49–53.
4. Лыткин М.М. Правовой статус финансового управляющего / М.М. Лыткин // Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2016. № 3. С. 22–25.
5. Савин Д. Проблемы применения законодательства об административных правонарушениях при привлечении к ответственности за неправомерные действия при банкротстве / Д. Савин // Законность. 2015. № 7 (969). С. 25–26.
6. Ускова Т.В. Отдельные проблемы административной и дисциплинарной ответственности арбитражного управляющего / Т.В. Ускова // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 11. С. 37–41.